

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

ВАЛЕРИЯ ТИШАКОВА

ИЗБРАННЫМ
ВХОД ЗАПРЕЩЕН!

Академия магии
Южного королевства

Annotation

«Ты – Избранная! Ты владеешь великой магией! Ты спасешь наш мир!» – именно такую фразу я ожидала услышать, когда очнулась в параллельном мире. Увы, льгот для избранных там не предусмотрено. Вот и приходится работать «цербером в юбке» в приемной ректора. А вместе с этим получить все прелести проживания в общежитии, работы в женском коллективе и общения со спесивыми дворянами. Вместо магии – трезвый расчет, вместо команды друзей – призрак собаки и мурена из аквариума. А между тем спасательную миссию никто не отменял. Тем более спасти надо не мир, а свою жизнь.

Валерия Тишакова

Академия магии Южного королевства. Избранным вход запрещен!

© В. Тишакова, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Выражаю огромную благодарность Ольге Пашиной, которая два года пинала меня, мешая ровно сидеть на попе. Спасибо за веру в мои силы! Также спасибо Дарье Морозовой, которая помогла мне с правкой книги и не запустила в меня в процессе орфографическим словарем. Даша, благодарю за терпение!

Из приемной ректора магической Академии доносилась ругань. С тех пор как я приступила к работе в должности секретаря вышеуказанного ректора, скандалы в приемной перешли в разряд обыденности, поэтому не вызывали приступа острого любопытства у моих коллег. Ну разве до смертоубийства дело дойдет. А до него, кстати, оставалось не так уж и далеко. Ну, хотя лукавлю, до смертоубийства было дальше, чем до сердечного приступа у мужчины, уже сорок минут пытающегося прорваться на прием к ректору.

– Я граф Эверо! Председатель попечительского совета Академии магии Южного королевства!

– Председателю назначено на четыре.

– Но я пришел сейчас! И требую пропустить меня к ректору для конфиденциального разговора.

– Если вы пришли сейчас, то вы не граф Эверо.

– Почему?

– Графу Эверо назначено на четыре.

– Но я граф!

– Тогда подойдите к четверем.

– Я уже здесь! Пропустите!

– Я не могу! Вы не записаны на прием.

– А это что? – палец, украшенный кольцом с голубым бриллиантом, ткнул в строчку журнала регистрации.

– Запись о визите графа Эверо... – невозмутимо проинформировала его я, поправляя сползшие нарукавники.

– Ну, наконец-то! – обрадовался мужчина.

Но радость его оказалась преждевременной, потому что следующей моей фразой было:

– На четыре часа!

Граф обреченно вздохнул, смирившись с тем, что ректора он сегодня не увидит.

– Не пустите?

– Если только вы принесете грамоту, заверенную королевской канцелярией, которая будет подтверждать вашу личность. И выписку из книги вашего рода. Ваш миниатюрный портрет с подтверждением трех ваших родственников, что на нем вы. Их родословную тоже надо. И копию дарственной короля на ваши земли.

– А больше вам ничего не надо? – сорвался на крик представитель древней фамилии, пораженный моей наглостью. – Свидетельства лекаря, который принимал роды у моей матушки?

– Нет, хватит тех бумаг, что я перечислила.

Честно говоря, мне и этих бумаг за глаза. Моими стараниями в живом уголке Академии всегда есть бумага на подстилки, но графу об этом знать не обязательно. Велено «не пущать», что я и выполняю всеми возможными способами.

– Сбор этой макулатуры займет неделю!

– Хорошо. Приходите через неделю. Как вас записать?

– Граф Эверо!

– Зверо? – я приготовилась записывать.

С фамилией я угадала, граф зверел прямо на глазах.

– Эверо!!!

– Ну вот. А вы возмущаетесь количеством бумаг! Сейчас бы записала вас как Зверо, а через неделю вы бы мне бумаги на Эверо принесли. Я бы опять вас тогда не пустила. Согласитесь, досадно было бы? А предъявили бы все требуемое сразу, не было бы таких мелких недоразумений, – продолжала я играть роль исполнительный дурочки-секретарши.

Мужчина устало откинулся на спинку кресла.

– А если я соглашусь сегодня прийти на прием в четыре?

Я глянула на часы за его спиной. Есть!

– К сожалению, уже половина пятого. Приемное время ректора окончилось. Мне искренне жаль.

– Вы!.. Ты!..

Граф никак не мог определиться, с чего начать меня ругать, и я решила подсказать бедняге:

– Вы.

– Хорошо. Вы это специально?

– Что «специально»?

– Не пустили меня в назначенное время?!

– В назначенное время вы не изъявили желания пройти в кабинет ректора.

– А меня бы пустили?

– Да, – развела руками я, – вам же было назначено.

– Но вы меня не пускали!

– Я не пускала неизвестную личность, которая ломилась в кабинет моего начальника в половине четвертого! А граф должен был подойти к четверем, и я обязана была его пропустить. Пришли бы к четверем, и подобной ситуации не возникло бы.

– А если я подожду ректора здесь?

– Он телепортируется сразу домой.

– То есть раньше чем через неделю мне его не увидеть?

– Увидеть можно и раньше. Его портрет украшает центральную лестницу. А поговорить – только через неделю. Всего доброго.

– До свидания.

Маг с противным скрипом типа «хана паркету» отодвинул кресло и с независимым видом прошел на выход. А дверью зачем хлопать? Жаль, автопроводчиков здесь нет. Хотя такие темпераментные личности их сломали бы через неделю.

Дверь напротив открылась, и оттуда показался мой начальник. Милый дядечка, лет пятидесяти на вид, с седыми волосами и заметным брюшком. Люблю его. Меня ценит, за задницу не щиплет, от Эверо защищает. Конечно, у него свои тараканы, но они прекрасно совместимы по гороскопу с моими, так что мы сработались.

– Ушел?

Он повертел головой, внимательно оглядывая приемную, как будто опасался, что я спрятала графа у себя под столом и тот сейчас выскочит из-под него с криком: «Попался!»

– Ага. Вернется через неделю.

– Чем я думал, когда его лодыря устраивал сюда?

– Собственным кошельком и бюджетом Академии.

– Угу. И за это регулярно выслушиваю, как его сынульку незаслуженно обижают. Хорошо

хоть, неделя отсрочки от очередной выволочки появилась.

– Больше. Недели две.

– Но ты сказала...

– Так через неделю я записала графа Эверо, а бумаги он принесет на имя графа Эверо, – лениво потягиваясь, раскрыла я всю глубину своего коварства. – Всего одна буква – и две недели свободы. Как хорошо, что до паспортов у вас не додумались.

– Как хорошо, что ты сразу Эверо невзлюбила. Прошлые мои секретарши перед ним розовой карамельной лужицей растекались, никакие внушения не помогали. За один его взгляд на цыпочках скакать готовы были.

– Ну, сложно симпатизировать человеку, который вас сшиб на лестнице, пробормотал что-то про старых клуш и, не извинившись, пошел дальше.

– Ты только поэтому так над ним издеваешься?

– Это произошло на второй день моего здесь пребывания. Наложилось на потрясение от перехода, вот вам и стойкая нелюбовь.

– М-да, весело с тобой. Иди отдыхай.

Я стянула нарукавники и бросила в ящик стола. Не забыть бы их на выходные забрать для стирки, все в чернилах уделала. Что поделаешь, перьевыми ручками я никогда раньше не писала, поэтому до сих пор не приноровилась и, чтобы не пачкать рукава белой блузы, ношу нарукавники.

Ну все, рабочий день закончен, одеваемся – и домой.

Эх, хорошо начальнику. Пара слов – и он дома. А мне через всю территорию Академии в свою квартиру идти. Да еще, по закону подлости, начал накрапывать мелкий дождь, а я без зонта. Настроение окончательно испортилось.

Проходя мимо учебных корпусов, я молилась, чтобы пары уже кончились, а то не любят нашу братию студенты. Правда, некоторые, наоборот, излишне любят. Кое-кто даже предлагал любить меня по-особому, но что-то не тянет меня на совращение малолетних. Но, видно, юрисдикция нашего бога на этот мир не распространяется, потому что с крыльца корпуса боевой магии меня окликнул набивший оскомину голос:

– А вот и наша серая мышка! Маскируешься под пыль? Должен признать, у тебя неплохо получается.

Гр-р-р! От осинки не родятся апельсинки. Знакомьтесь, граф Эверо, новая версия. Прокачанная наглость, расширенный арсенал пакостей, более высокий уровень родительской защиты.

– Ну, мне легче. Пыль-то везде есть, а свинарник для вашей маскировки так сразу и не найдешь, – не осталась в долгу я.

Мне платят за то, чтобы я терпела и улыбалась, общаясь с его отцом, а про сына в инструкциях начальства ничего не сказано. Кстати, забыла добавить, бесит он меня больше, чем отец! Тот хотя бы хамит вежливо и рук к груди не тянет. Эх, плохо быть попаданкой. Каждый высокородный маг считает тебя своей собственностью.

– Лада! Не отвлекайте студентов! Колокол на следующую пару был минуту назад! Эверо, вы поняли намек?

За спиной графского сыночка появился преподаватель, что спасло меня от его очередной попытки схватить за грудь, а род Эверо – от отсутствия внуков. И пусть крайней в глазах преподавателя осталась я, главное, меня избавили от общества мелкого наглеца.

– Да, господин Зэрин. Такого больше не повторится.

Поклонившись преподавателю, юноша скрылся за дверями. И ведь не соврал, гаденыш. Он не повторяется. Его «гениальные» подкаты всегда оригинальны.

До своей квартирki я дошла без происшествий. В меня не попало шальное заклинание, не привязалось местное привидение Шарик. Любимый песик первого ректора. Так-то он призрак, а вот слюни как настоящие. Юбку потом не отстирать. Я уже три казенные юбки так испортила, завхоз волком смотрит и готов покусать не хуже Шарика.

Тщательно проверив, заперта ли дверь, я наконец смогла стянуть надоевшую униформу. Одна радость, корсеты здесь не в почете. Длинная юбка в пол, блуза с жабо и камея с символом Академии, показывающая, что я – собственность данного заведения. Да, именно собственность. Стабилизатор магического фона. Самое обидное, что я только и могу, что стабилизировать, магия мне недоступна. Вот такая несправедливость. Уже третий месяц привыкаю к этой мысли и смириться никак не могу. А все наш старый жилой фонд виноват!

Май, вечер, цветущие каштаны... Красота! Иду я с работы, никого не трогаю, и тут на меня сверху валится кусок перил балкона. Нет, я знала, что здание старое, на крыше постоянно нарастают сосульки, поэтому зимой я никогда вдоль него не ходила. Но кто ж мог представить, что в теплое время года там не менее опасно!

А дальше все как в тумане, черном, вязком, затапливающем сознание. Я пыталась вынырнуть из него, но как только тьма вокруг начинала рассеиваться, в меня вливали какое-то пойло, и я вновь засыпала.

Наконец я очнулась. Похоже на больницу. Белые ширмы, казенное белье со штампом и запах лекарств.

– Как вы себя чувствуете? – заметив, что я пришла в себя, медицинский персонал обратил на меня внимание.

Может, это место и похоже на лазарет, но врачи тут одеты странно. Больше всего напоминает форму сестер милосердия времен Первой мировой. Строгое длинное платье, белый фартук до пола, голова покрыта белой косынкой, которая сзади достает до лопаток.

– Где я?

– В Академии магии Южного королевства. Ловцы вас доставили вчера, – медсестра потрогала мой лоб и посчитала пульс. – Правда, они, кажется, переборщили с сонным зельем, поэтому вы проспали немного дольше положенного, и все уже разошлись. Я попробую вызвать ректора. Все-таки не дело, чтобы вы койку в лазарете занимали.

Академия? Магии? Ловцы?

Я себя ущипнула – нет, не сплю. Говорили мне в детстве родители, читай меньше сказок, а то свихнешься. Сглазили, гады! Будут мне теперь апельсины носить. Кстати, а в дурдоме посещения разрешены? Хотя рано паниковать, сначала надо поговорить с лечащим врачом, ну или с этим, ректором.

Я успела пересчитать половину кирпичиков на стене, когда в лазарете появилось новое действующее лицо. Мужчина, чуть ниже меня, полный, в возрасте, широкий нос, обвислые щеки. Больше всего он напоминал английского бульдога, ну или Уинстона Черчилля. Одет он был в костюм-тройку, поэтому на английского премьер-министра походил все же больше, чем на собаку. Интересный внешний вид. А я мантию и колпак ждала. Тогда можно было бы подумать, что это у меня после удара галлюцинации. Но на выверт в виде костюма-тройки мое подсознание не способно.

– Здравствуйте. Я ректор этой Академии, магистр Караль. С кем имею честь разговаривать?

– Лада Туманова. Оператор в интернет-аптеке, – проявила вежливость я.

– Технические, медицинские или другие навыки имеете?

Что за допрос? Прямо как с рекрутерами на собеседовании. Пришлось сказать правду.

– Нет.

– Ясно. Значит, вас можно оставить здесь.

Оставить здесь? Нет! Я домой хочу! О чем ему и сообщила. Увы, похоже, я вытянула билет в один конец. Судя по его объяснению, домой я не вернусь. Единственное, что я могу выбрать, это остаться в Академии или уйти.

Обрадовав меня перспективами, мужчина сел на кровать напротив.

– Остаться? В Академии? Я смогу учиться магии? Серьезно?

Сделав такой логичный вывод, я успокоилась. Даже ощутила, как в груди расправляет крылья надежда. Я не буду бомжом, я получу образование и смогу худо-бедно прокормиться. А если повезет, выучусь, вернусь домой и забуду это приключение, как страшный сон!

– Учиться? – протирая стекла очков, переспросил Караль, а потом одним словом перечеркнул все мои мечты. – Нет! На бюджете мест нет, коммерческое образование вы не потянете. Да и не умеете вы, попаданцы, колдовать. На место студента можете даже не рассчитывать.

После такого заявления я шарахнулась от него и забилась в угол у спинки кровати, еще и ноги под себя поджала.

– Вы меня в качестве подопытного кролика оставите? Будете стричь мои волосы и ногти на зелья?

Живой не дамся! Вон какой графинчик хороший на тумбочке. Тяжелый, если повезет, смогу как метательный снаряд использовать.

– Откуда у вас, попаданцев, такие дикие мысли? – рассмеялся Караль, достал платок и утер выступившие слезы. – Подберите челюсть. Мы все прекрасно знаем об иных мирах. Иногда к нам попадают такие, как вы. Только магия нашего мира резонирует с магией вашего. Чтобы не случилась катастрофа, и нужны ловцы. Они способны рассчитать вероятность появления гостя и обезвредить его на время, пока его не доставят в ближайшее место скопления магов.

– Зачем?

– Лада, вы только что были дома и вдруг оказываетесь в абсолютно незнакомом месте. Вы начинаете паниковать, ваша магия просыпается, вступает в резонанс с магией мира, и незадачливый попаданец удобряет собой флору и кормит фауну в радиусе километра. А если вы не в лесу очнетесь, а в деревне? Нужны нам такие жертвы? Поэтому ловцы усыпляют людей сонным зельем, которое не дает видеть сны, и отвозят попаданцев либо в Академию, либо в монастырь. За время поездки в ваше сознание внедряется знание языка и письменности. Заодно и мышление подправляют, ускоряя процесс адаптации. Если бы не они, я бы вам еще две недели существование магии и параллельных миров доказывал, а так вы мне сразу поверили.

Хм, действительно. Я, человек двадцать первого века, совершенно спокойно воспринимаю известие о существовании магии. Не ору, не шарахаюсь и не хочу вызвать собеседнику бригаду психиатров.

– То есть мне еще повезло? Могли бы в монахини записать?

Ректор поморщился.

– Дайте договорить. Когда мы колдуем, мы берем магию из окружающей среды и

преобразуем в зависимости от заклинания. Только магия вокруг нас не постоянна, она постепенно истощается, магический фон становится нестабильным, и колдовать на этом месте становится невозможно. Тут вы нам и нужны. Попаданцы не умеют преобразовывать магию, но ваше присутствие помогает поддерживать фон на стабильном уровне. Ваша сила аккуратно расходуется на латание дыр, оставленных студентами, и мы можем подолгу не менять место жительства. Все в выигрыше. В монастыре же проживают маги, работающие по линии души. Там расход силы на паству еще больший. Но туда мы отправляем людей с техническими и медицинскими навыками. Там постепенно адаптируем их знания под нашу реальность. Ведь мы не можем пользоваться предметами без малейшей крупинки силы. Поэтому ваши технологии у нас не приживаются. Их надо долго переделывать, вкладывать заклинания. Вот этим маги там и занимаются. Заодно лекари душ контролируют порывы попаданцев к разрушению. Не хватало нам, чтобы кто-то решил захватить мир, используя свои навыки. В Академии их держать опасно. Студенты – народ любопытный и жадный до диковинок.

– Все это очень интересно. Как понимаю, я буду чем-то вроде кактуса у компьютера. И за это смогу жить здесь?

Замечательно, смотаюсь из места скопления магов, и все, размазана по территории, как масло по бутерброду.

– Не обольщайтесь. Задаром вас кормить не будут. Будете обслуживающим персоналом. Мне как раз нужна секретарша. Работа беспокойная, прошлая продержалась неделю. А вы, я смотрю, девушка психически устойчивая, истерик не закатываете. Думаю, сработаемся.

Халява отпадает, и тут работать придется. С другой стороны, и правда, с чего бы им меня кормить задаром? Знаний особых у меня нет, работать руками не умею. Значит, буду работать головой. И работать хорошо, чтобы не вылететь.

– Другого выхода нет?

– Ну, можете устроиться служанкой в дом мага. Но вы уверены, что будете там только служанкой? Среди магов ходит слух, что секс с попаданцами увеличивает магический уровень.

– Уровень?

«А это что за зверь?»

– Способность преобразовывать магическую энергию. Чем большее количество энергии может маг преобразовать за раз, тем выше его уровень.

Перспективка стать постельной грелкой меня не обрадовала. Так и вижу эту картину – престарелый маг лезет ко мне и воркующим голосом говорит: «Деточка, мне завтра надо много колдовать, будь послушной, раздвинь ножки». Брр! Меня аж передернуло.

– Я согласна на предложение стать вашей секретаршей. Надеюсь, вы сможете сделать так, чтобы особо озабоченные своим уровнем студенты ко мне не лезли.

– Само собой. Завтра зайдете к завхозу и получите форму. Зарплата через две недели. Квартиру вам выделяют в общежитии преподавателей. Работа с восьми до половины пятого. Послезавтра вас жду на рабочем месте. Вас проводят. И если что, настойка пустырника в нижнем ящике вашего рабочего стола.

Вынырнув из воспоминаний трехмесячной давности, я посмотрела на часы. Семь вечера. Спать рано, есть не хочется, делать нечего. Обычно я шла в библиотеку и брала книгу по истории мира, но сегодняшняя встреча с бракованной половиной хромосом графа Эверо напрочь отбила желание выходить из комнаты. Ну, разве что отломать ножку от стола и

гулять с ней наперевес. Меня останавливала перспектива получить по шее от завхоза за порчу казенного имущества или от графа Эверо за порчу сына.

Уборкой, что ли, заняться? Я окинула взглядом свою квартиру.

Небольшая комнатка, крохотная кухня и малюсенький санузел. С такой жилплощадью волей-неволей будешь следить за фигурой. Лишние пять кэгэ, и ты застрял. На мой взгляд, руководство Академии так подстраховалось, чтобы преподаватели не таскали к себе любовников и не портили «облико морале» учебного заведения. Конечно! Во-первых, нет маневра для разврата, во-вторых, соседи не дремлют. Меня, например, поселили между двумя бабулями – божьими одуванчиками. Одна – преподаватель этикета, вторая – истории королевской семьи. Вот тогда я поняла, почему одуванчики считаются страшными всепроникающими сорняками! Они лезли везде! И избавиться от них, по моим прикидкам, можно было только напалмом. А финальным аккордом в борьбе за нравственность стали дико скрипящие кровати. Я так и представляла своих соседкушек, сидящих со стаканом у стенки и считающих скрипы. Сорок раз за ночь кровать скрипнула – все нормально, пятьдесят – а с кем это там эта проститутка?

В общем, на личной жизни можно было ставить крест. Как я поняла, все семейные преподаватели перебирались в город, а холостые мужчины и старые девы – а я имела все шансы ею стать, – ну и командировочные жили в общежитии. За каждым преподавателем была закреплена комната. На ее содержание вычитались проценты из зарплаты. Те, кто женился, просто писали заявление и отказывались от жилплощади.

Но, несмотря на размеры, убираться в моей квартире можно бесконечно! Кто сказал, что медные ручки – это стильно? Это грязно! Только натрешь все до блеска, как они уже вновь покрыты зеленым налетом!

А мебель из темного дерева? Да на ней пыль видна как на ладони! Причем такая пакость стояла везде, даже в моем рабочем кабинете. Любимым развлечением студентов в ожидании нагоняя было незаметно написать на любой пыльной поверхности какую-нибудь гадость. Поэтому я дважды в день проходила с мокрой тряпкой по всему кабинету. Уборщицу начальник допускал только до мытья полов. А вдруг она что-нибудь сломает или, того хуже, передвинет так, что он ничего не сможет найти?

Думаю, про мытье окон при отсутствии бытовой химии можно не заикаться.

Поэтому если я начинала убираться, то заканчивала в лучшем случае с наступлением темноты. Вот и сейчас я с маниакальным блеском в глазах полировала дверцу шкафа со льдом. Шутки про мою помешанность на чистоте уже начали курсировать по Академии. Соседки меня хвалили, студенты и некоторые преподаватели хихикали, а я подозревала, что у меня поехала крыша.

От медленного схождения с ума меня отвлек стук в дверь. Кого черти принесли? Я открыла дверь на длину цепочки и огляделась. Черти принесли большой букет цветов, чем-то похожих на желтую акацию, так любимую нашими торговцами перед Восьмым марта. Эти цветы были ярко-оранжевые, но пахли так же. У меня рука не поднялась их выкинуть. Интересно, от кого подарочек? Ладно, все завтра.

Переодевшись в свою любимую теплую ночную рубашку фасона «обвисни все живое», я открыла форточку и легла спать. Как выяснилось утром, кто-то знал о моей привычке спать с открытой форточкой в любую погоду.

Как приятно лежать под теплым одеялом, когда по комнате гуляет прохладный сквознячок. А особенно приятно нежиться в кровати, когда просыпаешься утром и

понимаешь, что сегодня выходной, не надо подрываться и нестись на работу. Можно поваляться подольше, потом приготовить завтрак, не торопясь поесть и сходить в город за покупками. Как раз нужен берет на зиму, продуктов тоже докупить надо, ну и в кафе заскочить. Сейчас конец осени, и отказать себе в глинтвейне после прогулки по холодному городу я просто не смогу.

Мр-р-р, ну хватит валяться, иначе я совсем не встану.

Какого?!

В моей комнате разразилась песчаная буря. Ну, сначала я приняла завихрения оранжевой пыли за песок, а потом мой взгляд упал на вазу, где стояли цветы. На месте вчерашнего великолепия я увидела только темно-зеленые стебли. Все остальное ровным слоем покрывало мою квартиру.

Я сплю. Я сплю, и мне снится кошмар!

Увы, бардак в комнате оказался не вывертом моего больного подсознания, а самой что ни на есть суровой реальностью.

Как выяснилось через десять минут, эта пыльца при намокании оставляла кошмарные разводы и вообще пачкала все, на что попадала. Особенно хорошо она окрасила мою кожу.

Вы когда-нибудь пробовали кисточкой для румян обмести всю квартиру? Рекомендую! Очень помогает развивать фантазию и словарный запас. Ну и пространственную геометрию с эротическим уклоном, когда представляешь, как отомстить тому, кто прислал такой подарочек! Думаю, предки Эверо протерли солидные дыры в гробах, когда вращались после моих проклятий! Только один вопрос: младший или старший? Больше я ни с кем не ругалась, поэтому круг подозреваемых сужается до двоих.

Младший знает мои привычки, но до гадости в два действия в жизни не додумается. Старший как раз додумается. Но откуда ему знать мои привычки? Вряд ли сыночек поделился. Персонал Академии он в грош не ставит, так что вряд ли ему проболтались по доброте душевной. Значит, выяснял, значит, стоит ожидать более изящных пакостей и более зажигательных танцев на моих больных мозолях под аккомпанемент игры на нервах.

Пыльцу я аккуратно смела в пустую баночку. Такой хороший краситель мне пригодится! Получат два гада своим же салом да по мусалам. Я терпеливая и запасливая. А со старшим у меня есть две недели форы. Придумывая план мести, я почесывала щеку. Да что ж так чешется? Неужели...

Метнувшись в ванную, я начала смывать пыльцу. Под желтизной медленно проступала краснота. Мой счет к представителям древнего рода вырос на пару пунктиков.

В понедельник утром я напоминала свиной шашлык. Красненькая и пахнущая сельдереем, кашницей из которого меня щедро намазала медсестра, чтобы свести сыпь. Даже Шарик, обычно приветствующий меня радостным визгом, расчихался и начал тереть лапой нос. Такая реакция призрака меня несколько озадачила. Ведь, по идее, запах ему без разницы. Воняет, не воняет. Главное, что он есть и он может его поглотить. Но псинка оказалась привередливой. Видно, амбре от меня убойное. Может, попытать счастья в ограблении королевской сокровищницы? Как обойти сторожевых псов, я уже знаю.

Вторая радость обнаружилась, когда я заглянула в ежедневник начальства. Вот что значит аббревиатура «МЗП»? Минимальная заработная плата? Мнительный завхоз-параноик? И главное, чтобы вспомнить расшифровку, у меня всего десять минут! Увы, голова наотрез отказывалась воспринимать мои же каракули.

— Доброе утро!

Расшифровка тут же пришла на ум сама. Мерзкая злопамятная падла. Эверо!

Песня та же, пою я же.

– Вам назначено?

– Да. Вот запись о моем визите.

Я угадала с расшифровкой?

– Простите?

– Мини-заседание попечителей.

– Так как я вижу только вас, заседание будет ультрамини. А...

– Вот грамота, подтверждающая мою должность. И только ради вас на ней стоит, помимо подписи, мой отпечаток пальца. Лупу одолжить?

Я молча протянула ему чернильницу и чистый листок. Граф принял подношение.

– И что мне с этим делать?

– Как что? С чем я отпечаток сверять буду? Намажьте палец чернилами и приложите к бумаге. Кстати, предложение о лупе еще в силе?

К моему огромному сожалению, законы дактилоскопии действовали и в этом мире, поэтому, скрепя сердце и предчувствуя нагоняй от шефа, я пропустила графа. Конечно, тот не удержался, чтобы не сказать гадость напоследок.

– Вашим сегодняшним духам не хватает нотки дыма. Решили таким оригинальным способом привлечь мужчину? Если рассчитывали на меня, то открою страшную тайну, я люблю, чтобы еда была на тарелке, а не на женщине.

Я прикусила губу. Гусары, молчать! Если нахамишь ему, точно с работы вылетишь, и никакое заступничество ректора не поможет.

Граф, насмешливо прищурившись, наблюдал борьбу моей гордости с моим же здравым смыслом. А вот фиг тебе! Победила зловредность, которая не могла позволить Эверо такого удовольствия, как выпнуть меня под зад мешалкой с работы.

Наконец ему надоело ждать моего ответа, и он прошел в кабинет магистра Карая.

Через две минуты я, согласно правилам, установленным шефом, зашла в кабинет предложить напитки.

– Джонатан, очень рекомендую кофе. У Лады он получается бесподобным. Даже я, несмотря на свое здоровье, позволяю себе иногда чашечку.

– Сомневаюсь, что она сможет сделать это лучше, чем в кофейнях Северного королевства. Они, знаете ли, добавляют чуточку морской воды для вкуса. Ну ладно, поверю на слово. Надеюсь, вы будете так же убедительны, когда станете объяснять, куда собрались потратить три тысячи золотых, которые попросили у совета.

Дальше я слушать не стала. Моя обязанность – кофе. А господину графу нравится с легким солоноватым при-вкусом. Поэтому я не поленилась сделать крюк по пути на маленькую кухоньку и зачерпнуть в чашку морской воды из аквариума. А что, для хорошего человека не жалко! Там водоросли, соль, экскрем... микроэлементы. А если повезло и рыбы не сожрали весь корм, то и белок.

Никогда я так не радовалась грязной посуде! Я даже землю в цветах проверила – сухая. Значит, кофе он выпил, а не вылил под корень фикусу. Какая прелесть!

До самого вечера у меня было приподнятое настроение, пока в мою приемную не ввалилась секретарша декана с просьбой помочь ей со списками девушек, которые придут на обучение в первых числах зимы. Как выяснилось, помочь ей надо было только надеть пальто. Остальное надо было сделать за нее. Ну, замечательно!

Интересно, куда наша трудоголик намылилась? Насколько я помню, у нее рабочий день до семи. Кажется, окна ректора выходят на главный вход. Ну-ка, ну-ка. Йоперный театр! У ворот с букетом стоял Эверо-старший. Глупо надеяться, что первая красавица Академии бросила работу не ради графа. И тут подгадил! У него сегодня культурная программа с сексом в перспективе, а у меня выполнение обязанностей его пассии. Ну ладно, стрясу с Марты шоколадку из ее запасов. Все равно ей теперь придется себя в форме держать, чтобы Джонатан не смотался после первого свидания, а продержался хотя бы до похода в ювелирный.

Работа растянулась до десяти часов. Надо было просмотреть подшивку светских новостей, найти статьи о заключении браков и сверить их со списком наших студенток. Так, помолвлена, вышла замуж, вышла замуж, помолвлена. О, хоть какое-то разнообразие. Сбежала с любовником. И куда ее записать? Если найдется, то ее вернут доучиваться или срочно выдадут замуж? А, ладно, пусть Марта разбирается.

Как правило, представители прекрасного пола в Академии – это девушки из благородных семей. Впрочем, мужчины тоже в большинстве своем не крестьяне. Поэтому даже учебный год распланирован иначе. Каникулы начинаются осенью, они приурочены к сезону балов, когда король возвращается из летней резиденции. Тем более что именно осенью играют свадьбы. После того как на пальце девушки оказывается обручальное кольцо, ее обучение прекращается. Видно, опасаются мужчины получить нагоняй от магички. Кому понравится, когда за то, что ты зажал в уголке служанку, тебе через всю комнату с помощью телекинеза запустят в голову ведро из-под шампанского? Даже если муж согласен на продолжение обучения, девушку исключат. Слишком боится управляющее звено, что с ней может что-то случиться. А если она беременна? Не отмоешься! Так что хотите учиться дальше, нанимайте учителей в частном порядке. Вся ответственность будет на вас. Как следствие, диплом получают те, кто за пять лет так и не смог выйти замуж. А это либо самые некрасивые девушки, либо самые бедные. Полагаю, именно из-за этого магичек описывают страшными старухами. Не на пустом месте слухи. Видела я выпускниц. Их и без магии можно против нечисти выпускать. Зато бедными они перестают быть очень скоро. Уже который год у молодых девушек держится мода на компаньонку с даром.

Мужчина же может продолжить обучение и после свадьбы. Сплошной шовинизм. Неудивительно, что с такой системой образования квалифицированных женщин-магов так мало.

Наконец я сверила все имена. Теперь хоть примерно стало ясно, скольких девушек мы не досчитаемся через две недели. Осталось составить договоры о расторжении контракта на учебу и отослать их счастливым мужьям. Не хватало еще, чтобы, пока они будут в свадебном путешествии, девушка числилась учащейся и на нее выделялись учебники, канцелярские товары и форма.

Все, теперь можно и домой. Я погасила свет, прикоснувшись к сфере из хрусталя, наполовину утопленной в стену. Еще надо запереть дверь за собой. Три поворота ключа вправо и один раз влево. Теперь у меня есть пятнадцать секунд, чтобы выйти из приемной.

Мои шаги гулко отдавались в коридорах административного корпуса. Дешевым ужасиком пахло все сильнее. Еще бы свет мигать начал для полноты картины. В мыслях меня уже три раза сожрала неведомая хрень, вырвавшаяся из лабораторий преподавателей и затаившаяся в темных уголках здания, подкарауливая припозднившуюся жертву. Так что сильный удар по голове не стал особой неожиданностью.

В сознание я пришла от холода. Тело затекло и замерзло, локоть болел. Взглянув на руку, я увидела, что манжета разорвана. Складывалось впечатление, что кто-то поленился расстегивать длинный ряд мелких пуговичек и просто резко дернул ткань. На сгибе руки постепенно засыхала кровь. Кровь? Мне что-то вкололи? Я судорожно начала проверять карманы. Все на месте, даже ключ от ректорского кабинета, за который я волновалась больше всего. Не понимаю... А если мне не кололи, а, наоборот, забирали кровь? Вот тут все гораздо интереснее. Любой маг найдет десятки способов применить бесхозную красную жидкость. И большая часть этих способов очень не понравится невольному донору.

Осторожно, по стеночке, я встала на ноги, меня тут же повело в сторону. В голове зашумело, перед глазами замельтешили мушки. Да, веселенькая дорога до лазарета мне предстоит. Главное, чтобы по пути не стать клиентом некромантов, до их корпуса, конечно, ближе, но такая перспектива не радует. Да когда же этот коридор перестанет вертеться? Ой! Давно говорила, что эту вазу надо из ниши убрать. А мне: «Учащимся нравится!» Мусор туда кидать им нравится! Поскользнувшись на гнилом огрызке, выпавшем из осколков вазы, я чуть опять не поздоровалась с полом, хорошо, успела ухватиться за гобелен. Раздался треск, и в руках остался приличный клоч ткани. Эх, жаль, гобелен мне нравился.

Холодный воздух на улице немного помог прийти в себя. Я сразу вспомнила, что забыла жакет на месте нападения. Так, идти и окоченеть по дороге или вернуться за ним и начать крестовый поход до лазарета сначала и свалиться на полпути? Даже не знаю, во втором случае на земле валяться хоть тепло будет. Задумавшись, я не заметила, как ко мне подкрались со спины.

– А ты горячая штучка, если ходишь в такой мороз в легкой кофточке. Представляю, какой ты огонь в постели. Может, согреешь меня? А то я замерз, пока тебя ждал.

Иден Эверо! Господи, или кто там у них, ты издеваешься?

Поскольку я не делала активных попыток освободиться, график или графинчик – не знаю, как правильно его называть – окончательно обнаглел и полез руками куда не следует. Я начала вырываться, и он схватил меня за локти. Больно! Опять темнота.

Очнулась на этот раз я в более комфортных условиях, меня закутали во что-то теплое и куда-то несли. Моя транспортировка сопровождалась натужным сопением над ухом.

– Очнулась? – Иден, а это был именно он, на секунду остановился, чтобы перехватить меня поудобнее. – Худеть тебе надо. У меня сейчас руки отвалятся.

– Зато согрелся. Куда ты меня несешь?

– Не волнуйся. В лазарет. Я, знаешь ли, люблю, чтобы женщины теряли голову от страсти, а не тупо падали в обморок, когда их слегка лапают.

– Да что ж за день такой! – искренне возмутилась я. – Графы Эверо сегодня аж завалили меня своими постельными предпочтениями! Мне что, переписать их на листочек и повесить на доске объявлений, чтобы все девушки знали, как вести себя с вашими сиятельными персонами?

– Завалили? – Юноша остановился и уставился на меня со смесью ярости и презрения. – Так ты та секретутка, с которой крутит шашни мой папаша?! Вот зачем он запихнул меня сюда на дополнительные занятия еще до начала учебного года! Чтобы спокойно навещать тебя, прикрываясь перед матушкой заботой обо мне! А матушке небось заливает, как сильно требуется тут его присутствие для присмотра за мной!

Надо отдать должное сыночку Джонатана, он меня не бросил, приняв за любовницу своего отца. Донес до лазарета и сдал с рук на руки дежурному лекарю.

Следующие три часа всем было весело. Лекарь вызвала полицию. Шутка ли, нападение прямо на территории Академии! А если бы на моем месте была ученица? Какой позор для учебного заведения! Складывалось впечатление, что нападение на меня можно отнести к категории «счастье»! Осчастливили меня по голове не сильно, скорее, хотели просто оглушить. А вот крови забрали примерно пятьсот миллилитров. Полицейский предупредил, что в ближайшее время мне лучше ходить с амулетами. По крови можно наслать многое, начиная с приворота и заканчивая смертью. Через две недели с помощью моей крови навредить мне будет уже нельзя.

— А как же какая-то Святая неделя? Если не ошибаюсь, сейчас магам религия запрещает колдовать, мол, это оскорбляет богиню.

Полицейский сочувственно улыбнулся и посмотрел на меня, как на идиотку.

— Девушка, единственный, кто соблюдает магический пост, это королевский маг. И то только потому, что светлый жрец постоянно рядом. Так что не обольщайтесь. Поправляйтесь, носите амулеты и впредь будьте осторожнее и не засиживайтесь на работе допоздна.

На ночь меня оставили в лазарете, а утро ознаменовалось приходом моего начальника. И выглядел он так, как будто сейчас займет соседнюю койку. Глаза навывкате, рожа красная, руки дрожат. Короче, состояние «вареный рак с перепоя». И только приступом «белочки» я могу объяснить его первую фразу.

– Дотрахалась?

Я поперхнулась чаем, судорожно стараясь вспомнить, вызывает ли потеря крови слуховые галлюцинации. Начальник между тем распалялся все сильнее.

– Такое пятно на репутации! Бордель в учебном заведении! Знаешь, как мне было стыдно ей в глаза смотреть?

– Кому?

– Графине!

– Какой?

– Той, которой высокая прическа рога уже не прикрывает!

Графиня, рога... Рога, графиня. Графиня, измена. Измена, муж. Муж, граф. Граф, Эверо! Похоже, с утречка у ректора в кабинете нарисовалась графиня с целью забодать меня.

– Она кричит и требует уволить проститутку, совратившую ее мужа! И что мне делать? Тебя пока нечем заменить!

Ну ладно, пусть меня перепутали с Мартой! Все-таки когда тебя путают с первой красоткой Академии, это не может не льстить самолюбию. Но совратившую... Он телок на веревочке? Нет, если сравнивать Джонатана с домашней скотиной, то звание козла ему подходит гораздо больше. Завели, раздели, в кроватку положили, оседлали? А то он не понял, что если при виде мужчины дама расстегивает кофточку так, что в декольте трусы видно, то это не оттого, что ей жарко, а для того, чтобы жарко в штанах стало ему. Нет, ну зла не хватает. Хотя нет, вру, хватает, да с таким избытком, что консервировать про запас можно! Наверное, еще невинной жертвой коварной хищницы себя выставил! Эти царапины на спине из-за того, что я вырывался, а она в меня вцепилась! И зубами тоже!

Караль между тем продолжал стенать.

– Ты не понимаешь! Она главная фрейлина королевы! Не могла менее высокопоставленного члена... общества себе найти?!

О, надо запомнить оборот, использую, когда Марте буду свое «фи» высказывать. Она себе приключения на место рядом с задницей нашла, а я мало того что по голове ни за что огребла, так теперь, фигурально выражаясь, опять по многострадальной голове вместо нее получаю.

От мельтешения начальника у меня разболелась эта самая голова. Все, достали!

– Хватит! Я не спала, не сплю и спать с Эверо не собираюсь! Мне от общения с ним и так кошмары снятся, а уж просыпаться с ним рядом... Брр! Увольте! Э нет, не в том смысле «увольте»! Вчера граф был на свидании, в то время как я оставалась в приемной. И где в вашем кабинете можно с комфортом предаться разврату? Подоконник холодный, пол грязный, стол низкий, кожаный диванчик противно липнет к заднице и во время движений издает неприятные звуки, – тут я увидела ошарашенные глаза Карала и поспешила исправиться. – Не спрашивайте! Был опыт! Не на вашем диване! Так что если меня не видели шесть свидетелей вместе с графом в шикарном ресторане отеля, то я ни в чем не сознаюсь!

– С чего графине тогда тебя обвинять?

– Со слов сына-идиота! Разве похожа я на влюбленную женщину? Стиль одежды не меняла, при виде рожи графа от счастья не сияю, новых украшений не появилось.

На лице Карала наконец отразилась работа мысли.

– Тогда с чего обвинили тебя? Дымя без огня не бывает.

Я смутилась. Ну да, моя оплошность.

– Неудачно пошутила, и отнекиваться было поздно.

– Хорошие у вас шутки! – лицо ректора побагровело, еще пара минут, и слюнями брызгать начнет.

Нет, надо водички ему предложить. Еще хватит удар, где я такого начальника найду? Выпив предложенную жидкость, шеф перевел дыхание и поставил вопрос ребром.

– Значит, так. Ты еще не собираешь вещи только потому, что хорошего секретаря сложно найти. На это уйдет недели две, не меньше. Если за эти две недели ты не обелишь свое имя, то можешь искать место, где купить платье горничной со скидкой!

– Но я не виновата!

– Мне проще уволить тебя, чем трепать нервы, выгораживая своего секретаря перед обманутой женой!

– А если она узнает, что муженек продолжает гулять?

– Скажу, что он другую нашел!

– В таком случае вы скоро без женского персонала останетесь! Если будете с больной головы на здоровую валить. Это вообще была...

– Молчать!!! Последнее, чего бы мне хотелось, так это обсуждать постельную жизнь персонала Академии! Хватило сегодняшнего раза! Всего доброго! Выздоровливайте и заодно прикупите газету с вакансиями.

Вот так новости. Раньше мне сын с отцом гадили, так сегодня еще и мама подключилась! Что дальше? Вся семья явится к королю с требованием казнить меня за аморальное поведение?

За ширмой, разделяющей пространство между кроватями, раздался шорох. Еще лучше.

– Мадам, у вас уши замерзли?

Лекарка смутилась, на фоне белого платка красные пятна на скулах стали особенно заметны.

– Что?

– Я ищу причину, по которой вы грели уши, подслушивая конфиденциальный разговор. Если вам нечем заняться, то выпишите мне рекомендации по лечению. Выздоровливать дальше я предпочту у себя дома.

А дома я поняла, почему раньше была такая смертность. Если пациенты не откидывали коньки от лечения, то их добивала скука. А если они переживали первые две напасти, то контрольным выстрелом шли назойливые посетители! За три дня, пока я отлеживалась, меня проводили почти все служащие Академии. Это напоминало нашествие саранчи! Сценарий был таков. Раздавался стук в дверь. За ней стоял бухгалтер, уборщик, аспирант – выбирайте сами. Как гостеприимная хозяйка, я приглашала их войти. Далее, поглощая огромное количество выпечки, мне многословно сочувствовали, охали и ахали, а потом интересовались, что у меня с графом. Чтобы сократить время разговора, чересчур наглым я подливала в чай капельку слабительного отвара. Но особенно мне запомнился визит гардеробщицы. До этого у меня с ней были хорошие отношения. Поэтому ее приходу я даже

обрадовалась. Как оказалось, зря. Ее сценарий ни на йоту не отличался от остальных, но в конце дама проявила оригинальность.

– Я так понимаю, вы скоро нас покинете? – прихлебывая третью чашку чая, как бы невзначай обронила женщина. – Так вот, не могли бы вы порекомендовать на свое место мою племянницу? Девочка хорошая, ответственная, исполнительная.

Ну, все! Я не очень-то верю в гороскопы. Единственное, что в них является правдой, на мой взгляд, так это описание моего характера. Я – Близнецы. Если сказать кратко, то двуличная тварь. Могу сюсюкать, а через секунду орать. В этом мире я стараюсь сдерживаться. Я только начинаю заново строить свою жизнь, и лишние проблемы мне здесь не нужны. Но сейчас я, как никогда, ощутила потребность кому-то нахамить в лицо, а не вежливо утираться. Тем более что я вполне реально могу вылететь с работы и больше эту заботливую тетушку не увидеть.

– А на какое мое место? Просто вы так активно интересовались моей личной жизнью, что у меня появилось подозрение, что вы не прочь уложить племянницу на простыни графа. Так не стесняйтесь! Давайте, я его любимые позы продиктую!

Женщина поперхнулась чаем.

– Да я ничего такого...

– Раз ничего такого, то прошу на выход. У меня, знаете ли, постельный режим, и я не хочу его нарушать!

Дама со стуком поставила чашку на стол.

– Не ожидала, что вы настолько невоспитанны, что даже не захотите помочь бедной девушке найти хорошую работу!

Я резко подскочила к прикроватной тумбочке, схватила газету с вакансиями и впихнула в руки гардеробщицы.

– Вот! Там много замечательных объявлений на любой вкус! До свидания!

Я вытолкала ее из квартиры и захлопнула дверь. Но тетка не могла стерпеть, что последнее слово осталось не за ней.

– Хамка! Знаем мы твой режим в графской постели!

М-да, звукоизоляция здесь хреновая.

Я села за стол и со стоном опустила голову на руки. А знаете, что самое обидное? Ни одна зараза не догадалась принести больной женщине хотя бы апельсинчик.

В дверь снова постучали. Да сколько можно?!

На этот раз там обнаружился Иден Эверо.

– Чего тебе? – добродушия в моем голосе не было ни грамма.

Графчик вздрогнул и протянул мне бумажный пакет, который до этого прятал за спиной. Наученная горьким опытом, я брать гостинец не спешила.

– Там бомба?

– Нет, ну... там, – отпрыск знатного рода стремительно забывал навыки риторики. – Продавец сказал, вам полезно. Извините меня.

Снедаемая любопытством, я заглянула в пакет. Там были два спелых граната. Однако мысли материальны. И с чего это вдруг он решил извиниться?

– Чистить умеешь? Заходи!

Усадив гостя за стол и всучив ему нож, я заняла место напротив. Молодой человек молчал. Приглядевшись, я заметила, что правая скула у него опухла. Неужели папа навешал?

Иден смутился.

– Сильно заметно?

– Да, – кивнула я. – Работа отца?

– А чья еще? Он, скажем так, был очень недоволен моим вмешательством в свою личную жизнь.

– А ты осознаешь, что я могу тебе добавить украшений для симметрии? И все равно пришел, цитирую, к «секретутке, с которой крутит шашни мой папаша»?

– Да, я был не прав. Ты не спишь с моим отцом.

– Оп-па! С чего такие выводы?

Глазки молодого человека забегали.

– Когда отец приходит со свиданий, от него пахнет парфюмом со сладкими нотками. Ты таким не пользуешься. Пока тебя нес, я это заметил. Кроме того, он очень дорогой, твоей зарплаты не хватит.

– Ой, врешь. Парфюм мне могли подарить, и я могла беречь его для особых случаев. Не пытайся казаться умнее, чем ты есть. Как узнал, на кого, помимо твоей матери, тратит гормоны твой папаша?

– Как, как... Поймал на горячем! Захожу в родительскую спальню, а там...

– Все! – Я подняла ладони, призывая собеседника остановиться. – Можешь не продолжать. Что они там не одеяло в пододеяльник заправляли, я догадалась. По роже получил тогда?

– Угу.

Я взяла у него половинку граната и отковырнула парочку зерен. М-м-м... Вкусно.

– И ты пришел извиниться?

– Да, я все расскажу маме. Объясню.

Глаза у меня полезли на лоб. Как с таким отцом можно было остаться таким наивным? Хоть бы хитрости поднабрался.

– Да-а... Хочу это увидеть. Мама, помнишь, я тебе недавно раскрыл личность той девушки, с которой папа спит? Так вот, я ошибся! Он другую секретаршу осчастливил! А она подхватит юбки и побежит к ректору на разборки второй раз.

– Но я хочу помочь.

– Ты помог, вон, витамины мне принес. Считай свой долг выполненным.

– Да, ты имеешь право дуться! Но сама посуди, меня на месяц раньше запикивают в Академию на дополнительные занятия! Я делаю все, чтобы меня отстранили от учебы. Даже тебя лапаю! И ничего! Видно, папе был нужен повод, чтобы здесь бывать. А потом я ловил от него аромат женских духов.

– Да за такие деньги, что твой отец отвалил, ты мог и ректора полапать, и тебе ничего бы не было! – вспыхнула я.

– Значит, я зря старался?

– Ну, не знаю. Попробуй Карая за попку ущипнуть. Вдруг поможет?

Младший Эверо ушел через час, рассыпаясь в извинениях и обещая подумать, как все исправить. По закону подлости, навстречу ему шли мои соседки. Чую, завтра поползут слухи, что я решила всех мужчин этой семьи своим телом осчастливить. А, плевать, можно подумать, они до этого считали меня образцом морали.

Так я просидела дома до воскресенья. А в воскресенье в честь большого праздника в городе проходила ярмарка. Как такое упустить? Да и берет нужен. С одной стороны, страшно тратить деньги в одном шаге от увольнения. С другой, если меня выгонят на улицу, без берета

уши я отморожу в первую очередь. А, ладно, возьму у завхоза обереги и пройдусь.

Вот гад, нашел-таки способ отомстить за порчу казенной формы! «Женских фасонов нет!» А мне болтами с черепами людей пугать. Хотя... Сойдет вместо кастета, если что.

Накинув салоп, я направилась к воротам Академии. Отстегнув брошь-камею, я приложила ее к замочной скважине ворот. По темному металлу пробежали золотые искры, проход открылся. Теперь у меня есть четыре часа, чтобы вернуться. По истечении этого срока за мной отправят ловцов. Только четыре часа я могу находиться вдали от магов, чтобы моя сила никому не угрожала.

Шагая по брусчатке, я в который раз порадовалась, что здесь уже не первый год держится мода на небольшой каблук-рюмочку. Не представляю, как по такому покрытию можно ходить на шпильках. Да и со временем мне повезло. Не грязное Средневековье, а, если сравнивать с нашим миром, начало двадцатого века. Можно хотя бы не опасаться, что ночной горшок на голову выльют.

Лавируя в толпе празднующихся гуляк, я направлялась в сторону главной площади, не забывая рассматривать все вокруг. Все доступные поверхности были украшены букетами из разноцветных метелок сухоцветов. Красные, желтые, оранжевые, розовые. Из них плели венки, составляли икебаны и просто ставили в любую подходящую емкость. Где не было цветов, висели ленты в той же цветовой гамме. Но самое веселье начнется с закатом! Ведь это ему посвящен праздник. По легенде, именно в этот день богиня даровала людям магию. Народ будет гулять всю ночь. А на рассвете на капище первого храма богини Солнца придворный маг произнесет заклинание света. Если столб света будет красным, то еще год королевство будет жить в мире и процветании, ведь богиня благословляет магов еще на год. Но горе, если свет будет белым. Это будет означать, что небожители отвернули свои лики от поклоняющихся им людей. Грядут страшные перемены, и спокойной жизни народа Юга придет конец.

К этой легенде я отнеслась скептически. У нас таким макаром каждый год конец света предсказывают. Просто красивый обряд. И очень зрелищный. Кроваво-красный столб света на фоне отступающих сумерек. А в центре этого марева крошечная человеческая фигурка как символ ничтожности простых смертных перед богами. Неудивительно, что весь королевский двор считает своим долгом присутствовать при этом ритуале.

Эх, как жаль, что у меня только четыре часа. Как хочется погулять на празднике! Покутить всю ночь, как в наш Новый год. Но для этого мне нужен маг-сопровождающий. Таких, увы, нет. А ведь это последняя возможность хорошо отдохнуть, потому что послезавтра прибывает с каникул основная масса учащихся.

Побродив по рядам, я наконец прикупила себе головной убор. Часы на ратуше показывали шесть вечера. У меня еще два часа до возвращения. Может, сходить в кафе погреться?

Заказав себе бокал глинтвейна и кусочек яблочного пирога, я заняла столик возле окна. Со стороны улицы меня не было видно из-за кашпо с цветами, а вот если я слегка пригну голову, то в просвет между метелками сухоцветов увижу проходящих мимо людей.

Я как раз допивала напиток, когда заметила знакомые лица. Марта с графом? Я аж поперхнулась. Ну почему здесь нет фотоаппаратов! Такие кадры пропадают! Вот Джонатан обнимает Марту за талию, вот она поворачивается и целует его, вот его рука невзначай ползет ниже. Да, шикарные получились бы снимки. Хоть на памятник вешай и даты жизни-смерти выбивай. А, ладно, чего мечтать о несбыточном? Домой пора.

Ночью я даже обрадовалась, что общежитие дальше от города, чем все здания Академии. Если уж тут такой гвалт стоит, то что происходит там? О, пошли салюты! Еще бы добавить вой сигнализаций машин, и тогда я бы точно смогла себя на секунду убедить, что я в родном мире.

А утром над городом раздался набат. Привлеченная шумом, я выглянула в окно. На востоке поднимался столб белого цвета. Тогда я еще не догадывалась, что самое страшное впереди и сегодня случилось событие, которое полностью перевернет размеренный уклад жизни.

Академия словно вымерла. По пути до приемной мне не попало ни единой живой души, ну, кроме Шарика. Вот кто был по-настоящему рад меня видеть. От осознания, что единственный, кто меня здесь любит, это давно сдохшая собака, настроение совсем упало. Нет, я понимала, что попаданцы – это социально-опасные элементы и место им среди прислуги. Но я в секретарши не рвалась. Сказали бы идти уборщицей, взяла бы тряпку в зубы и отправилась мыть полы. Ибо жить на что-то надо. Это в своем мире я могла торговаться, выбирать место получше, и то не получилось. А тут что я могла предложить? Диплом несуществующего университета? Пф... Руки и голова, ну и другое место, но торговать им не тянуло. Вот и вцепилась в эту должность. Да, Караль – трус и взяточник, но пока я работаю на него, меня не должно это волновать. Он мне платит, а значит, вправе требовать исполнения обязанностей в полной мере. Это потом я выяснила, что уж очень много народа планировало использовать задницы своих родственников для обогрева доставшегося мне места. А тут попаданка!

На дверях административного корпуса висело объявление, гласившее, что начало учебного года переносится на две недели. Да что же случилось? Строя догадки, я направилась в приемную ректора.

Вопреки обыкновению, Караль уже был там. Он сидел в полумраке кабинета, почему-то не спеша открывать шторы, хотя обычно всегда настаивал на естественном освещении своего рабочего места. Выглядел он неважно. Несвежая рубашка, отсутствие галстука, неестественный цвет лица вкупе с покрасневшими глазами и щетиной заставляли подозревать, что дома ректор не ночевал. Похоже, веселая была у него ночка. А судя по полупустой бутылке коньяка, назвать утро добрым он тоже не смог бы.

Я постучалась. Караль наконец сфокусировал на мне мутный взгляд. Видимо, бутылка была не первой. Я окинула взглядом кабинет. Да, так и есть, если собрать всю стеклотару, хватит на шоколадку Марте, чтоб у нее диатез на попе высыпал! Свои деньги на это жалко тратить, а тут вроде небольшой бонус от шефа.

– Зря пришла, – он махнул рукой, указывая на дверь. – Сегодня ты мне не потребуешься. Иди досыпай, неизвестно, когда еще сможешь выспаться в кровати.

– Как я понимаю, вопрос о моем увольнении решен?

На удивление, слез не было. Я вообще не страдаю подобным водоразливом. По мне, так женские слезы – это попытка что-то изменить, надавив на жалость. Увы, графиня надавила на ректора сильнее. Что ж, приятно было поработать.

– Теперь без разницы, останешься ты здесь или я тебя уволю.

– Графиня сменила гнев на милость?

Ректор вздохнул и приложился к бутылке.

– Графиня сменила место жительства. Ей теперь ни до чего.

– Она уехала?

– Нет, улетела или провалилась, не знаю, куда ее душа после смерти попала. Ей теперь нет дела до живых.

Я пошатнулась и, чтобы не упасть, ухватила за дверной косяк. Вот так новости...

– Она была больна?

– Здорова, – поморщился Караль, выдохнул и потянулся к тарелке с заветренной

закуской. Брезгливо поворошил тонко нарезанный сыр, ища съедобный кусок. Успехом это предприятие не увенчалось, и он решил обойтись без закуси. – Здорова, так же как и королевская свита вместе с правящей семьей.

– Вы хотите сказать...

– Да. Сегодня на рассвете у придворного мага вышло из-под контроля заклинание света. Погибли все. Опознать их можно только с помощью родовых артефактов. Поэтому я и перенес начало занятий. Нужно время на опознание, похороны и решение вопросов с титулами и наследством. Уже началось расследование, так что будь готова к визиту следователей.

– Я-то тут при чем?

– Маг погиб аналогично тому, как погибают иномиряне, если не блокировать их дар.

От этой новости мне поплохело окончательно. Вот только «охоты на ведьм» не хватало! Да мои соседуски, спроси их, припишут мне еще проституцию, наркоманию и воровство. Хотя замечу, я всегда с ними здороваюсь и желаю доброго дня! Видно, для них я вхожу в категорию «вежливая проститутка, втирающаяся в доверие, следить за ней еще внимательней». А если вспомнить эпопею с увольнением и мнимой связью с графом... Эх, где-то я видела на кухне остатки хлеба. Засушить, что ли? Сухари могут понадобиться.

За размышлениями о возможном путешествии в места не столь отдаленные, я не забывала об уборке. От того, что у меня неприятности, пыли на рабочем месте меньше не становится. Да что ж такое! Какая свинья похабную картинку на моем столе нарисовала? Причем, замечу, скотина эта была абсолютно не сведуща в анатомии. Зато с рифмой она скотина дружила. Моя рука с тряпкой замерла над художествами. Хм, я пакостливо улыбнулась своим мыслям. Ведь имен здесь нет. Так, только очень толсто прорисованный намек. Я нашла в ящике стола чистый лист и переписала четверостишье. Надо с другой секретуткой поделиться, не одной же мне просвещаться. Подкину на стол, когда она уйдет на обед.

За уборкой и разгребанием накопившихся за неделю дел время до обеда пролетело незаметно. Он что, не мог лишний раз нагрузить других секретарей? Их начальники, если что, меня припахивать не стесняются. Секретари, впрочем, тоже. «Лада, ты в архив? Отнеси папку. Ты на обед? А давай я тебе пирожок куплю, а ты меня на часик подменишь?» Хорошо хоть, мама воспитала меня в духе «где сядешь, там вокзал». И после истории с Мартой я убедилась, как она была права! Один раз отступила от ее наставлений – и вуаля, я подозреваемая в убийстве.

Грустно вздохнув, я наконец выловила последнюю сдохшую рыбку из аквариума. Хотя вернее будет сказать, последнюю рыбку в аквариуме. Нет, вот сложно было покормить? Они же живые! Жалко! Ладно, пойду обедать – выкину.

Как только я собралась слинять на перекус, дверь распахнулась. Это кто такой наглый? На пороге стояли двое мужчин. Белые рубашки, серые костюмы, неприметная внешность, цепкие взгляды. Следователи. А я стою перед ними с полным пакетом трупов, пусть и рыбьих.

Первыми вежливость проявили они.

– Добрый день. Туманова Лада Борисовна?

Похоже, по мою душу. Иначе с чего бы им распинаться – сунули бы под нос символ власти и задвинули за дверь. А тут старались, отчество узнавали. Вот впервые я бы обрадовалась обращению в стиле Эверо «Эй ты, мне чай без сахара с чабрецом», а не такому

вежливому произношению моего имени.

Не паникуем! Вдруг они просто хорошо воспитаны? И сейчас пройдут к Каралю?

– Вы к ректору? Как вас представить?

Я дежурно улыбнулась и спрятала пакет с рыбой за спину. Мне предъявили браслеты с металлическими бляхами в виде щита и меча.

– Старший следователь королевского сыска Кристиан Смитсон. Это мой напарник Никола Вермер. Мы ко всем. С вами поговорит Никола, а я задам пару вопросов Каралю.

Какая прелесть, перекрестный допрос. Спасибо НТВ за полезные знания.

Пока я с ностальгией вспоминала времена просмотра телевизора в неограниченных количествах, следователь занял мое место за столом. Я уместилась в жестком кресле для посетителей напротив. Как же неудобно. Неудивительно, что люди звереют, только усевшись в него.

– Может, кофе?

– Просто воды.

Я поспешила выполнить просьбу. Вернувшись, я застала неприятный, но ожидаемый сюрприз – Никола обшаривал мой стол. Особенно его внимание привлек маленький пузырек из темного стекла.

– Вы храните зелья на рабочем месте?

Я глубоко вздохнула и усилием воли подавила желание хлебнуть этого самого «зелья».

– Это успокоительное, – начала я объяснять. – Держу только для себя. Работа тяжелая, у многих посетителей просто отвратительный характер, а дополнительные нервные клетки в мой соцпакет не входят.

– Вы так пренебрежительно отзываетесь о посетителях ректора? – Никола взболтнул жидкость в пузырьке.

– А какой смысл мне врать? Любой человек в Академии по первой вашей просьбе распишет меня как верного цепного пса ректора, стоящего на страже дверей его кабинета и никого туда не пускающего без указания свыше.

Пока я распиналась, Никола пролистывал ежедневник Караля. В его глазах мелькнул странный огонек. Очень пугающий.

– Я смотрю, чета Эверо бывала здесь чаще, чем сам ректор.

– Приходить к Каралю или нет – это был их выбор, и подтолкнуть их к этому я никак не могла.

Допрос, а иначе я назвать это не могла, продолжался.

– Есть сведения, что вы конфликтовали с графиней.

С графом конфликтовала, а с графиней ни разу в жизни не виделась, о чем и не преминула сказать следователю.

– На вас недавно напали, я прав?

– Да, можете просмотреть журнал происшествий, там наверняка есть запись о вызове в Академию.

Следователь подобрался.

– А почему вы оказались на работе так поздно?

Дура потому что.

– Я помогала коллеге.

– Какой?

– Марте Гибонсон.

– Она сможет это подтвердить?

– Да.

Вот тут я сомневалась. Марта вполне может соврать, чтобы не всплыло ее свидание с графом. И это будет конец... Для меня.

Нападение сильно заинтересовало Николу. Потому что дальше вопросы сыпались как из рога изобилия. Где меня ударили, видела ли я нападавшего, почему решила, что взяли кровь? И так несколько раз, меняя формулировки и пытаюсь поймать на нестыковках.

Наконец поток вопросов иссяк, и я перевела дух. Следующая просьба следователя вогнала меня в ступор.

– Разрешите вашу руку?

– Держите, сердце не предлагаю, – не удержавшись, брякнула я. – Ай!

Следователь ловко отстегнул булавку от галстука и уколол мой палец. Выступившую каплю крови он подцепил на кончик той же булавки и, опустив в стакан с водой, тщательно размешал.

– Коктейль вампирский?

– Чей? – Никола поднял на меня непонимающий взгляд.

Совсем забыла, что ни вампиров, ни эльфов, ни прочей фэнтезийной нечисти в этом мире не водится.

– Да так, попаданский фольклор.

Ну, не объяснять же ему тернистый путь эволюции – или деградации – от Дракулы до Эдварда Каллена?

Никола извлек из потайного кармана пиджака кристалл на подвеске. Сам кристалл прозрачный, а внутри – крохотная бурая капелька. Интересное вкрапление. Неужели артефакт?

Следователь осторожно опустил цепочку с подвеской в стакан, и через секунду вода окрасилась в насыщенный вишневый цвет. Не к добру это.

– Что это значит?

– Это значит, что ваша кровь оказалась на месте преступления.

От таких новостей я чуть не упала с табуретки.

– Что?

– Вы арестованы.

– На каком основании?

– На основании показаний родового артефакта. По закону, я могу задержать на неделю без предъявления обвинений. Если за неделю мы не докажем вашу причастность к гибели тридцати человек, вас отпустят. И даже принесут извинения. В письменном виде, в двух экземплярах.

Мне на руки надели наручники и замкнули их ключом. Эх, надо было соглашаться на ролевые игры, когда предлагали. Хотя морально бы подготовилась к ношению браслетов.

– Можно хотя бы с ректором попрощаться?

Никола гадко хмыкнул.

– Незачем.

Через секунду я поняла смысл его веселья. Из кабинета Кристиан вывел Карая. Со скривившимися за спиной руками.

– Вы подозреваете ректора в убийстве?

– Этого вам знать не обязательно.

М-да, даже право Миранды не зачитали. Хотя о чем я? Не дали по почкам – уже счастье! А остальное не так страшно.

Впервые я порадовалась, что административный корпус недалеко от ворот. Там нас ждала карета с решетками на окнах, это означало – следователи знали, что едут на задержание. Пока нас конвоировали к средству передвижения, я умудрилась попасться на глаза всем сплетникам Академии. Чую, завтра пойдут такие слухи, что Ганнибал Лектор по сравнению со мной покажется младенцем. А самое обидное, даже если меня оправдают, эти слухи не прекратятся. Эх... Интересно, у них пластическая хирургия развита?

В карету нас вежливо посадили, меня даже поддержали, чтобы я не упала. Сами следователи расположились на козлах.

Наконец я решилась заговорить с начальником.

– Ну и с какой радости я тут исполняю партию жены декабриста? Замечу, те следовали за мужьями добровольно.

– Лада, не доводи до греха! Я не хочу еще и за убийство сидеть!

– То есть сейчас вас не за убийство схватили?

Шеф смутился.

– Нет, коррупция.

Были бы руки не скованы, я бы поаплодировала.

– Вот Эверо обрадуется! Он вас иначе как взяточником и не называл. А уж про мой арест и говорить нечего! Не удивлюсь, если он заявление накатал и на меня, и на вас. Сейчас сидит небось, лучший коньяк из своих запасов хлещет, чтоб у него цирроз развился.

Ректор недоуменно на меня уставился. Как будто я сказала глупость.

– С чего ты взяла, что это дело рук Эверо?

– А с того. Сомневаюсь, что вы всю жизнь были ангелом и только три месяца назад стали грести деньги неприличными суммами. Видно, я на вас плохо влияю. Вот как пришла, так вы совесть и потеряли. Может, мне и ваше разращение в вину поставят?

– Кончай истерить! – рявкнул он, рука ректора дернулась, словно он хотел отвесить мне пощечину. – Что делать будем?

– Ни-че-го! – чеканя, произнесла я, не отводя взгляда от лица Карая. – Вот с представителями власти я еще не бодалась. Это очень вредно для здоровья тех, кто хочет жить долго и счастливо. Сразу появляется возможность жить недолго и очень грустно.

– То есть ты не попытаешься сбежать?

Что? Ой, не могу. Ха-ха. Да, мне только бегать. Ща, вот только разбег возьму.

Видно, мое неприличное ржание оказалось не тем ответом, которого ждал ректор. Караль сник окончательно. Он что, без меня ничего сделать не может? По моему мнению, я вообще не лучший компаньон для побега. Балласт хороший, компаньон плохой.

– Что же мне делать?

– Ну, не знаю, можете застаться молотком, Библией и плакатом с голой бабой и лет двадцать рыть себе подкоп. Можете песни сочинять. Шансон здесь жанр неизвестный. Хотите, я вам «Владимирский централ» напую для примера? Заодно и наших конвоиров развлечем, магнитола, поди, в комплектацию этой колымаги не входит.

– Не замечал раньше за тобой такой язвительности. Особенно в свой адрес.

– Так я раньше весь яд расходовала на профилактику радикулита у Эверо, а теперь моей любимой жертвы нет, а яд есть. Вот и сбрасываю излишки, чтобы не отравиться.

Дальше ехали в молчании.

По прибытии нас разделили. Меня повели в камеру, Карала на допрос. Видно, эта тюрьма не была рассчитана на попаданцев, ведь нам нужен истощенный магический фон, чтобы нормально жить. Именно благодаря этому меня разместили недалеко от лазарета, можно сказать, в vip-камере по местным меркам. Интересно, сколько меня здесь продержат? По всему выходит, что мой арест долго не готовили, взяли вместе с ректором, чтобы два раза не ездить. По акции «посади двух по вине одного».

Так началось мое заключение.

Честно, многое настораживало. Во-первых, меня не выводили на ежедневные прогулки, что вкупе с отсутствием допросов пугало едва ли не до чертиков. Такое ощущение, что от меня просто избавились, заперев здесь. А если одну скромную секретаршу даже не оформили, то держать тут могут до самой смерти. Никто и не рыпнется. Меня просто не существует в тюремной системе, и со мной можно делать все, что хочешь. Во-вторых, обращались со мной на удивление хорошо. Раз в три дня отводили в душ, не забывали кормить. Как видите, странностей масса.

— И утром после первой брачной ночи Розана просыпается и видит на постели следы крови. Она спешит застирать их, но Маттео уже все увидел. Он предъявляет простыню родителям Розаны в доказательство того, что та соврала, обвинив его в ее совращении. В первую брачную ночь она была невинна.

— И что дальше?

Единственной отдушиной оказались беседы с сокамерницами. Я понимала, что их подсаживают, чтобы разговорить меня, иначе бы они столь часто не менялись. Но так я получала хоть какое-то общение. Разговорить? Пожалуйста! Мне не жалко. Книг помню массу, сериалов знаю кучу. Поизображаю кота из Лукоморья, пусть подавятся.

На шестой день заключения дверь камеры открылась не по графику. На пороге стоял Никола. Какая встреча!

— Туманова! На выход!

— Вы за мной? Ну как знала! Не стала девочкам «Санта-Барбару» пересказывать, а то было бы слишком жестоко бросить повествование на середине.

Шли мы недолго, как я поняла, меня вели в допросную. Не знаю, радоваться ли тому, что про меня вспомнили. Довольно грубо впахнув в помещение, за мной захлопнули дверь, сильно наподдав ею по ягодицам. Что за воспитательные меры? Разве не Никола будет допрос вести?

Наконец я увидела того, по чьему приказу прервали мой сериальный марафон. Блин! Надо было с Каралем поспорить, глядишь, и на домик у моря денег бы хватило.

Эверо, а это был он собственной персоной, гадко ухмыльнулся.

— Вы?

— Я, а вы думали, чем я на жизнь зарабатываю?

— Вы палач? — выдала я ему первую мысль, пришедшую на ум.

А что, должность палача прекрасно сочетается с его мерзким характером. Да он такой спец в пытках, что может одним взглядом обойтись.

— Я глава королевского сыска!

Только тут я обратила внимание на его внешний вид. Костюм на нем отличался от костюмов следователей, явившихся в Академию, только дороговизной ткани. А так тот же фасон, тот же цвет.

— Глава? — на моем лице отобразился скепсис, не верилось мне в свою значимость,

чтобы аж глава сыска меня допрашивал. – До меня снизошел глава сыска?

– А вы на допрос записаны? – делано удивился мужчина, в точности копируя мои интонации, когда я обороняла от него кабинет ректора. – Дайте я сверюсь с записями.

Он достал из кармана ежедневник и напоказ начал листать пустые страницы.

– Ну, что-то я вас здесь не вижу. Вы вообще кто?

Злопамятная скотина! И ведь ничего не сделаешь, по себе знаю. Ну, хочешь знать, кто я? Ради бога!

– Туманова Лада Борисовна. Родилась семнадцатого июня одна тысяча девятьсот девяностого года в роддоме номер три города Липецка. Окончила школу в две тысячи седьмом году, поступила в институт на специальность «социолог» и окончила его с красным дипломом в две тысячи двенадцатом году. Если этой информации вам мало, то слушайте, – я перевела дыхание и быстро затараторила: – По гороскопу я Близнецы, родилась в год Металлической Лошади. Размер груди третий, рост метр шестьдесят три, размер ноги тридцать восьмой. Натуральная брюнетка. Любимая книга «Молчание ягнят», любимый фильм «В джазе только девушки», любимые цветы...

– Стоп! – Эверо с треском захлопнул ежедневник, в который за время моей исповеди сделал пару заметок. Надеюсь, он не размер груди записал? – Ладно, я убедился. Такой болтливой можете быть только вы!

– И даже про родителей рассказать не дадите?

– А вы не хотите лучше про вашего начальника рассказать? – доверительно спросил он, вновь раскрывая книгу.

Ну, раз вы так просите, любой каприз за ваши деньги.

– Флегматик. Любит чай с кусочками яблок. На обед обычно просит заказать котлеты из куриной грудки с кинзой. Аллергия на вишню. Любимое блюдо – яблочный пирог. От салата с капустой его пучит. Утром обычно опаздывает на пять минут, с работы уходит вовремя.

– Ничего более личного вы не знаете?

Я рассказала про его избыточное газообразование, куда уж больше.

– Знаю!

Джонатан подобрался и приготовился записывать.

– Взятчик он. Очень не любит вас. Кстати, а ведь вы ему тоже взятку давали, чтобы вашего сына в Академию устроить. Это, между прочим, дача взятки должностному лицу. А, зная ваше чадо, взятка была в особо крупном размере. Учтите, сдать с поличным никогда не поздно. Будем через стенку перестукиваться.

Эверо опять захлопнул ежедневник, в воздух взвилась пара страниц.

– Сотрудничать, значит, не желаете?

Я прижала руки к груди.

– Что вы! Все, что знала, рассказала!

Тут мне протянули раскрытую книгу. Приглядевшись, я узнала свой почерк. Зачем ему моя писанина?

– Тогда объясните, что значит эта запись?

Я вчиталась. «К. ж. м. 10. 2 медяка Караль».

– Купить живой мотыль, десять граммов, взять на это два медяка у Караля.

Джонатан аж вскочил.

– Мотыль? Мотыль! Мы потратили на это три дня!

– Да, мотыль. Рыбки его хорошо кушают, пардон, кушали. А зачем вам мои записи?

Злость графа мигом улеглась. Он сел напротив меня и вперился взглядом.

– Про взятки ректора мы знали. Только вот такой нюанс. Взятки-то он берет, только богаче не становится. Мы проверили все счета, всех родственников, денег лишних и предметов роскоши у них нет.

– Ну, я очень вам сочувствую.

А что я еще могла сказать? Что работать надо лучше?

– Себе посочувствуйте. Вот сами посудите. У ректора незаконным путем появляются крупные суммы и бесследно исчезают. Потом нападение на вас с изъятием крови. Через небольшой промежуток времени гибнет королевская семья. Замечу, что уничтожение правящей семьи – это дорогое мероприятие. И еще любопытный факт. Вы продержались на этом месте дольше всех. Чем вы привлекли Карала?

– Хорошей работой? – робко попыталась угадать.

– А может, обещанием выделить кровь?

– Вы это не докажете!

– Хороший обвинитель докажет. И вы подтвердите. Если вы думаете, что ваше содержание под стражей до этого момента было кошмаром, то я вас сильно удивлю. Просто перед тем как отдать приказ о вашем аресте, я попросил относиться к вам помягче. Мне не нужно было, чтобы вы во время допроса кровью кашляли. Но раз вы не желаете сотрудничать...

– А я что делаю?

– Неправильный вопрос. Правильная формулировка «что я могу для вас сделать».

– И что я могу для вас сделать? – как хорошая девочка, я тут же исправилась.

– Работать на меня.

– Секретарем главы сыска?

– Секретарем ректора. Ничего нового.

– Карала освободили?

– Нет, – он хлопнул по карману пиджака. – Вот здесь подписанный регентом приказ, назначающий меня временно исполняющим обязанности ректора Академии магии Южного королевства.

Наверное, в этот момент я очень достоверно изобразила лягушку. Глаза навывкате, рот открыт, легкий зеленоватый оттенок на лице.

– А чем вас Марта не устраивает? Бумаги составит, покушать принесет, в постель уложит и рядом пристроится.

– Я смотрю, для вас моя половая жизнь – больная тема?

– Если вы не в курсе, ваша половая жизнь каким-то непорочным образом стала моей!

Граф поганенько хмыкнул, видно, вспомнил явление сына во время любовных утех с Мартой. А ведь недели не прошло, как жену похоронил! Веселый вдовец.

– Хватит о личном. У меня для вас два варианта развития событий. Первый. Вы соглашаетесь на работу со мной, и я вас выпускаю. Снимая все обвинения. Второй вариант. Вы продолжаете упрямяться, и я с большим удовольствием отправляю вас доживать свои дни в камеру.

– Вы так и не объяснили, с чего такая щедрость? Насколько я помню, бесплатный сыр только в мышеловке, – поделилась я с ним мудростью своего мира, немного подумала и добавила: – И то только для второй мыши.

– Вы знаете всех, кто посещал ректора. Мне нужно, чтобы вы продолжали следить за

визитерами. И собирать сведения для меня.

– Допустим, я согласна. Только как вы всю эту эпопею с моим арестом объясните?

Граф встал и обошел вокруг стола. Остановившись за моей спиной, он наклонился к моему уху.

– Зачем? Все объяснят за нас. Охрана!

Вдруг он подхватил меня за талию и, развернув, усадил на стол.

– Что вы задума...

Окончание фразы поглотил поцелуй. Я удивилась бы меньше, если б этот граф ректората исполнил мазурку, честное слово! От шока, причем весьма некультурного, я забыла, как надо сопротивляться. Со стороны выглядело, будто я в восторге.

Кожа остро ощущала прикосновения чужой руки. Я сделала вялую попытку прекратить этот спектакль, но куда мне тягаться со взрослым мужчиной, уложившим не одну секретаршу? Одна рука графа скользнула вверх, вдоль пуговичек на блузке, и сжала грудь, вторая запуталась в волосах. Поцелуй закончился, и я глубоко вздохнула. Не знаю зачем, то ли чтобы закричать, то ли еще что... Но губы прикоснулись к шее, а рука потянула за волосы, заставляя выгнуться.

Представляю картину, открывшуюся охраннику. Я полулежу на столе, целуюсь с главой сыска, а его рука шарит у меня по груди. А единственное, о чем думала я, так это о том, что крепление для кандалов на столе больно впивается мне в копчик.

– А не соврала, действительно третий размер, – шепнул мне граф и тут же прикрикнул на охранника. – Чего уставился? Госпожу Туманову освободить и доставить домой со всеми почестями.

Уже в дверях я услышала:

– Жду завтра на рабочем месте. Не опаздывай.

Наконец-то родное общежитие! Родные лестницы с коваными перилами и обшарпанные стены с растрескавшейся краской и царапинами на штукатурке! Родные папоротники, украшающие лестничные пролеты. А вот надпись «проститутка» белой краской на моей двери, как я очень надеялась, сродниться со мной не успела. Вот заразы! А мне теперь это художество закрашивать? Так заново напишут, на чистом-то холсте, благодать! Нет, тут надо действовать тоньше. Я замерла напротив своей двери, как турист напротив Моны Лизы в Лувре. Даже стойку эксперта приняла. Хм, а потеки краски уже высохли, значит, написали давно. Ну заразы. Не побоюсь этого слова – змеюки. Надо будет со своих гостей плату брать, как за поход в террариум.

Честно говоря, я бы плюнула и пошла отсыпаться, если бы краем глаза не заметила на ручке двери преподавательницы этикета маленький белый отпечаток. О, нашелся художник! Честно говоря, у меня появилось дикое желание поднять его работы в цене. Прибить, проще говоря. Но, увы, повторная экскурсия в тюрьму в мои планы не входила. Значит, будем мстить по всем заветам Остапа Бендера, то есть чтя уголовный кодекс. Где-то у меня бутылка наливки была...

Захватив из комнаты универсальный предмет договора с дворником, я быстро побежала в его каморку под лестницей. Обменяв литр на литр и кисточку, я вернулась к двери. А уж там от души, с размахом приписала «живет рядом» и нарисовала стрелочку к двери почтенной дамы. Жизнь-то налаживается.

Дома меня ждали засохшие цветы, пустой холодильный шкаф и тонкий слой пыли на всех горизонтальных поверхностях. Зато видно, что никто не попытался спереть у меня предметы обстановки, чтобы толкнуть их под видом «любимых безделушек кровавой убийцы». Плюнув на уборку, я завалилась в ванну. Все, решено, в ближайший час отращаю жабы и развиваю дзен. Но, увы, процесс деградации обратно в земноводное был прерван на начальной стадии.

Возмущенное лицо старой карги меня несказанно порадовало. Ну, и какие претензии? Не успела я открыть дверь, как меня чуть не снесло звуковой волной.

– Возмутительно! Как вы можете писать подобную мерзость?!

А ты, выходит, писала благую весть? «Ура, я живу рядом с проституткой! Завидуйте!» Но вслух сказала:

– Я не писала, а слегка подправила.

– Я выражаю свою гражданскую позицию!

– Называя меня проституткой?

Я всем своим видом показала недоумение, достойное «Оскара», и перешла в наступление:

– А где указаны ФИО данной путаны? Между прочим, всего в паре кварталов от нас в этом направлении находится публичный дом! Представляете, совсем рядом с Академией! С этим оплотом знаний! Какое непотребство!

Старушка подавилась ответной репликой. Видно, она не была наслышана о моих перепалках с графом, которые превратились в своеобразные академические анекдоты. Чую, в моих стендап шоу скоро появится новый монолог.

Клацнув вхолостую вставной челюстью, Карла Людвин решила пойти другим путем.

Любимым путем всех склочных пенсионерок, а именно – запугать меня проблемами с законом, и заверещала:

– Уберите эту похабень! Или я напишу жалобу, и вас привлекут за порчу казенного имущества!

– Да? После въезда сюда я заменила изношенную дверь на железную. Документы и чеки могу показать. Так что эта дверь – моя личная собственность. Что хочу, то и пишу! Доброй ночи!

А все-таки хорошо, что дверь железная. Хлопает будь здоров. Так что точку в разговоре я поставила жирную и громкую.

Вода в ванне успела остыть, к моему глубочайшему сожалению. Новую набирать было лень. Пойду холодильный шкаф напугаю. Может, выдаст что-нибудь съестное.

Увы, в самом углу шкафа я нашла единственную морковь, но есть ее побоялась. Было гнусное чувство, что я съем ее, а она съест меня на манер личинки чужого. Уж больно страшный вид приобрела морковь за время своего прозябания в недрах шкафа. Ладно, после шести есть вредно.

В дверь опять постучали. На этот раз соседка потрясала перед моим носом какой-то бумажкой.

– Спасибо, туалетная бумага у меня есть. Чего еще изволите?

– Это приказ о вашем выселении!

Какой еще приказ? Почему он у нее, а не на доске объявлений? Да и увольнять меня граф не собирался. Даже совсем наоборот. Что-то расходится с имеющейся у меня информацией.

– Кем подписан? Можно взглянуть?

Ух ты! Даже печать не поленилась срисовать. Ну, старушка – аферистка.

– Знаете, если судить по этим документам, выселили меня год назад. Когда меня еще и в помине здесь не было. Печать-то просроченная. Так что единственное, чем ценна эта бумага, так это мягкостью и впитываемостью.

Эх, не знала предприимчивая бабуля, что каждый год ректор слегка изменяет печать во избежание подлога документов. Трещинку или скол переносит. Щербинка в правом углу была в прошлом году, а теперь она по центру. Так что если знать, куда смотреть, то можно с легкостью определить истинный возраст документа, и это почти исключает подачу бумаг так называемым «задним числом».

– Я не потерплю соседства со шлюхой, а тем более с уголовницей! – развлекала тараканов на лестнице дама пенсионного возраста.

– Я что, вас развращу? – меня заметно передернуло, когда я представила процесс развращения. – Так будьте уверены, вы не в моем вкусе. Наклонностей лесбиянки-геронтофилки у себя никогда не находила.

– Ты сидела в тюрьме! И я не знаю, что ты делала со своим любовником, чтобы он вытащил тебя оттуда.

Так вот зачем Джонатан полез ко мне кариозными бактериями обмениваться! Чтобы все подумали, что причина моего освобождения – это наша с ним связь, а не договор о сотрудничестве. Но сначала он не погнушался меня в тюрьму засунуть!

Тут мне в голову пришла одна пакостная мысль. Держитесь, граф. Хотите опасных связей? Устрою! Я мечтательно вздохнула и прикрыла глаза, как будто ударяясь в воспоминания. Теперь больше томности в голос добавить.

– Ох, что мы только не делали. У Джонни страсть к ролевым играм. Особенно в стиле «следователь и преступник». Ну, вы понимаете, специфика профессии, – глянув на вытянувшееся лицо соседки, я продолжила: – Вот он и захотел поиграть. Всю неделю. Даже в пыточную меня водил, оказывается, дыбу можно использовать не только для пыток. А что он делал плеткой! М-м-м...

Тут я заметила еще одного свидетеля моего вольного пересказа пятидесяти оттенков серого, а именно Идена. Тот с трудом сдерживал смех, опасаясь выдать себя. Но, когда он заметил мой взгляд, неожиданно подмигнул и шагнул ко мне с распростертыми объятиями.

– Мама!

Я не осталась в долгу.

– Сына! Иди сюда, что тебе мама даст!

И, схватив за руку, живенько втощила его в квартиру. И уже без свидетелей начала разборки.

– Ты что несешь? Какая мама?

– А ты что про плетки несла? – вернул подачу Иден.

– Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку! – огрызнулась я. – А если ее инфаркт хватит?

– Просто замечательно. Значит, зачета завтра не будет.

Я хмыкнула и только тут обратила внимание, что графчик-то с гостинцами. Может, там еда? Было бы неплохо. Гранаты, например, он выбрал вкусные.

– Ты пришел соседку попугать? Или еще с какой целью?

– Ой, совсем забыл, я подумал, что за неделю у тебя еда испортится, и решил тебе покушать принести.

Иден протягивал мне пакет с таким самодовольным видом, как будто там было собственноручно убитое им мясо. Увы, там оказались собственноручно купленные им конфеты и вино. Лучше бы картошки принес!

Ох, молодежь, всему учить надо.

– Где рынок, знаешь?

Иден неуверенно кивнул.

– Отлично! Значит, купишь два килограмма картошки, хлеба... Денег дать?

Я быстренько набросала графчику список и снабдила деньгами. У него были, но гулять по базару и расплачиваться золотыми монетами за овощи – это верх идиотизма. Подкараулят потом в подворотне и сделают овощ из тебя.

– И запомни, если овощ белый снаружи, то это не картофель. Картофель снаружи коричневый. Это он на столе потом белый или желтый, – напутствовала я его, подталкивая к двери.

Выпроводив отпрыска Джонатана, я взялась за уборку. Гости! А тут пыль. Позорище! Я успела убрать всю квартиру как раз к приходу Идена. Молодец, ничего не напутал. Меня посетила шальная мысль на правах мамы спросить сдачу, но графчик меня опередил и высыпал деньги на стол.

– И куда мы сели? Взяли нож, сейчас буду тебя учить картошку чистить.

Иден посмотрел на меня как на ненормальную.

– Ты всех гостей к домашним делам привлекаешь?

– Так ты сам меня мамой назвал, а маме надо помогать, – наставительно произнесла я и всучила ему нож. – Тем более вот подсуетится сейчас Марта и родит твоему папе ребеночка,

а если совсем ей повезет, и морганатический брак обстряпает. Опалы не боишься?

– Не боюсь! – огрызнулся юноша.

Он брезгливо взял в руки корнеплод и первым же движением срезал вместе с кожурой половину картофелины. Я ужаснулась и кинулась показывать ему то, что у нас умеет делать любой парень, служивший в армии.

– А зря. Если она его на свадьбу раскрутит, то и про тебя такого наплетет, что тебе живо от дома откажут. Так что давай, хоть какие-то навыки выживания приобретешь.

Три минуты со стороны графчика слышалось только натужное сопение. Ничего, пусть учится, не все же колюще-режущими предметами в других аристократов тыкать. Хотя, на мой скромный взгляд, некоторых представителей славных фамилий картошка по уровню развития обошла.

Наконец Иден кинул в миску с водой последнюю картофелину. Вот теперь моя очередь. Шустро нарезав ее на ломтики, я закинула все на сковородку. М-м-м, жареная картошечка на сале. Драгоценные калории. Пофиг, что они потом окажутся на заднице. Я слишком есть хочу, чтобы листиком салата довольствоваться.

Пока я перемешивала картошку, младший Эверо открыл и разлил по бокалам вино, нарезал хлеб и мясо, короче, всеми силами пытался изменить мое мнение о нем как о непригодной к жизни пиявке на аристократической вене славной крови Эверо.

Поэтому его лапа на моем бедре стала для меня неприятным сюрпризом. Я резко крутанулась и наставила на него лопатку на манер шпаги.

– Ты что удумал?

– Ну, ужин, вино, мы вдвоем.

Полет его мысли поставил меня в тупик, я зависла, и из ступора меня вывел кусок картошки, шмякнувшийся с лопатки прямо на свежeweымытый пол. Надо бы объяснить ребенку, ху из ху.

Я ткнула лопаткой в сторону стула.

– Садись.

Сама же, убавив огонь, – разборки разборками, а лишаться ужина я не хочу, – села напротив.

– Слушай меня сюда, ребенок. Между нами разница в семь лет, и, по меркам моей страны, связь с тобой – это не есть хорошо со стороны закона. Это раз. Во-вторых, на обаяние Эверо у меня иммунитет, – тут я не удержалась и рывкнула: – Поэтому призывную лыбу с лица стер! Ну и последний гвоздь в гроб твоего плана по моему соблазнению. Твой отец – мой начальник, и я не хочу расплатиться за ночь неизвестно какого секса своей работой.

– Почему неизвестно какого? – обиделся график.

– Потому что сомневаюсь, что в семнадцать лет ты способен на нечто большее, чем три минуты: полапал, обслюнявил, раз, два, три, и «гасите свет, кина не будет».

– Да как ты...

– Молчать! Для тебя у меня два варианта развития событий. Либо дружить, либо усыновить. Учти, в последнем случае пить вместе мы не будем. Поставь бокал на место! И что ты выбираешь?

Иден поморщился и отпил вина.

– Значит, дружба, – сделала я вывод. – Молодец. Слушай умную тетю и заодно баб клеить научишься.

Аромат с плиты подсказал, что картошка готова. Разложив ее по тарелкам, я с энтузиазмом накинулась на еду. Иден наблюдал за мной круглыми глазами.

– Ну, ты метешь. Все мои знакомые девушки конфетку лишний раз боятся съесть.

Святая наивность. Вспомнить хотя бы момент из «Унесенных ветром», когда Скарлетт наедалась заранее перед пикником у Уилсов. Угу, девочки не едят и, следовательно, не какают. Просветить, что ли, юношу?

– Ребенок, это пока ты молодой, твои подруги могут дать тебе за рафаэлку. А через пару лет ты без похода в ресторан панталоны с них не снимешь. Запоминай, даже если женщина вопит о том, что она на диете, в ресторане она все равно не будет сидеть со стаканом воды. И закажет, вопреки заявлениям о сохранении фигуры, все самое дорогое, и ведь съест все.

– Личный опыт? – попытался подколоть меня графчик.

– Работа в женском коллективе. Я в мужиках разочаровалась еще на стадии рафаэлки. Не отвлекай, – я отпила вина и продолжила ликбез: – Поскольку ты молодой и секса тебе будет хотеться постоянно, то на ресторанах, конфетах и цветах ты разоришься. Объясняю бюджетный вариант. Эй, молодой и жрущий организм, ты меня слушаешь? Прекрати вилок фехтовать, пока я на нее пробку не насадила. Молодец. Так вот, о чем я? А, вспомнила! Берешь плед, закуски, бутылку винца, можешь картошку, чтобы ее в углях запечь, и едешь со своей пассией на пикник. Можешь ей наплести про редких птиц, прекрасную природу, что такой цветок, как она, достоин столь же прекрасного оформления и глупо душить эту красоту стенами города. Твоим мешаночкам должно хватить. С аристократками этот номер вряд ли пройдет. Там без топора ехать смысла нет.

Иден аж картошкой подавился.

– Зачем? Кхе-кхе.

Пришлось вставать и стучать его по спине, спасая от удушья, не хватало мне еще трупа сыночка начальника в квартире.

– Дрова рубить будешь, потому что девушка не даст. Говорят, помогает. Шучу!

Юноша схватил бокал вина и одним махом опустошил его. Так, надо переходить на чай, иначе придется с тазиком вокруг Идена круги нарезать.

– А если все равно даже от мешаночки не обломится?

– Знаешь, как-то страшно продинамить мужика, оказавшись с ним наедине в лесу и вдалеке от города.

Я поймала себя на мысли, что воспитываю маньяка. С другой стороны, если девушка согласилась ехать одна в лес с парнем, намерения которого видны невооруженным глазом, то тут только премия Дарвина поможет.

– Все, тетя сытая и слегка пьяная. – Я отодвинула пустую тарелку и откинулась на спинку стула. – Поел? Посуду мыть хочешь?

В глазах Идена при виде грязной сковородки отразился ужас, и он замотал головой.

– Нет? Тогда пока! Спасибо, что не дал умереть голодной смертью.

На следующий день на рабочее место я влетела как фурия. О, поводы для злости у меня были, да еще какие!

Началось все утром, когда я попыталась причесать высохшие за ночь волосы. Не самая удачная идея после недели без расчески. После получаса слез, мата и нескольких выдранных колтунов я взялась за ножницы. Теперь без содрогания я на себя смотреть не могла. Если раньше у меня были слегка выющиеся темные волосы до середины спины, то сейчас мою стрижку можно было назвать «авангардным пажом».

Второй сюрприз ожидал на входе в здание администрации. Завхоз подхватил меня под локоток и куда-то повел. Как оказалось, Джонатана чем-то не устроила стандартная форма. Он посчитал, что негоже секретарше одеваться так же, как преподаватели. Зато теперь... Раньше моя форма состояла из белой блузы с жабо и длинной юбки в серо-синюю клетку, а теперь на мне красовалась строгая черная блуза и длинная черная юбка. А для пущего веселья мне выдали комплект оберегов, как обычно, мужской. М-да, никогда не думала, что стану готом. Особенно меня порадовал парадный вариант, предполагающий белую блузу и красный кушак. Все цвета гроба!

Но вернемся к тому моменту, когда я вошла в свою приемную и чуть не выпала обратно. Они что, хроническим насморком страдают? Вонюща же! Я огляделась и поняла, что мой наряд тут в тему! Пыль, засохшие цветы, трупный запах. Мне успели доложить, что пока меня не было, мои обязанности выполняла Марта. Угу, на столе можно писать и без бумаги. А рыбки так до мусорки и не доехали. Догадываюсь, чем она работала.

В подтверждение моим мыслям из кабинета графа послышалось хихиканье Марты. А ее юбку я заметила на полу у двери. Меня перекошило. Ну, это уже ни в какие рамки!

Если бы не запустение на рабочем месте, я бы так не озверела. Но блин, за что тебе зарплату платят? За потрапушки с ректором? Так это другая статья дохода! Пыль протереть – корона не свалится! С этими мыслями я подхватила юбку графской пассии и слегка смахнула ею пыль. А что? Я ничего! Пол грязный. Юбка на нем валялась, вот и испачкалась!

Потом мой взгляд упал на бумажный сверток с гниющей рыбой. Нет, это будет перебор. Ладно, пожертвую своей едой. Шустро распотрошив пакет с обедом, я извлекла из бутерброда кусок колбасы. Хорошо, что в юбке Марты карманы есть. А теперь вторая часть марлезонского балета.

Я вышла в коридор.

– Шарик! Мальчик! Ко мне! Ко мне, мой хороший!

Через секунду призрак появился передо мной. Нет, ну какая лапа! Вот как мне рад. Я засюсюкала с собакой.

– Привет, привет, красавец. Соскучился?

Шарик согласно гавкнул.

– Шарик! Место! Шарик, ждать!

Теперь можно вернуться в приемную.

Я только успела протереть пыль, как из-за двери показалась женская ручка и осторожно втянула юбку в кабинет. Через пять минут твиксы вышли ко мне. Да, смотрятся красиво. Невысокая, слегка полноватая блондинка с шикарной косой, зелеными глазами и пухлыми губками. И высокий широкоплечий граф, с короткими темными волосами, широкими

бровями, слегка хищными чертами лица и шрамом через бровь. А уж вместе они производили неизгладимое впечатление. Порочный ангел и бес.

На меня внимания не обратили. Нет, я понимаю, что в темной одежде сливаюсь с интерьером, но могли бы хоть кивнуть в знак приветствия. А, ладно, запишем и не за-будем.

Марта прошла мимо меня с высоко поднятой головой. О, я сплю с ректором, замечательный повод для гордости. Звезду себе за это прилепи.

Даже не взглянув в мою сторону, блондинка покинула приемную. Раз, два три!

Р-р-р-р, гав-гав! А-а-а-а! Хороший песик.

Мы с графом одновременно рванули к двери.

Картинка в коридоре очень меня обрадовала. Шарик, как я упомянула, был равнодушен к запахам. Как мне объяснили, если призраки людей могут подпитываться эмоциями, то призраки животных питаются запахами. А карман Марты источал запах копченой колбасы, неудивительно, что Шарик не смог оставить это без внимания.

А самое веселье началось, когда призрачный песик попытался засунуть нос в карман секретарши. Вот даже если ты умом понимаешь, что призрак бестелесен и вреда причинить не может, все равно, здоровущий мастино, с лаем наскакивающий на тебя и пачкающий твою одежду эктоплазмой, – это серьезное испытание для нервов. Марта это испытание не прошла. Ей бы спокойно проверить одежду и просто выкинуть кусок колбасы. Но нет! Марта избавилась от источника запаха очень оригинально – вместе с юбкой. Оставив предмет гардероба на растерзание Шарику, она, сверкая панталонами из-под короткой комбинезонки, скрылась в своей приемной.

– А я смотрю, ваша любовница соблюдает траур по вашей жене. Вон, панталоны на ней черные, – флегматично заметила я. – Изменение моей униформы тоже с этим связано?

Граф наконец отмер.

– Что?

– Я спрашиваю, в честь чего из меня сделали пародию на картину «Американская готика»?

– На какую картину? – непонимающе уставился на меня Джонатан.

– А, забудьте.

Блин, в этом мире половина шуток мимо кассы. Пока объяснишь, над чем смеяться, момент уже упущен.

Я махнула рукой и пошла на рабочее место.

– Вы зря униформу мне сменили. Я с окружающим интерьером сливаюсь. Зато у меня теперь будет новое развлечение. Станет скучно, одолжу у дворника косу и пройду вдоль кабинетов. Заодно подчистим штат от пенсионеров.

Подхватив сверток с дохлятиной в одну руку и засохшие цветы в другую, я направилась к выходу.

– Дверь откройте, пожалуйста.

– Ты куда?

– Хоронить! Как раз внешний вид подходит.

– И цветы?

– А цветы на могилку!

Быстро избавившись от символов бренности жизни, я поспешила вернуться в приемную.

Как и ожидалось, дел накопилась масса. До самого вечера я разгребала бумаги,

координировала встречи и откладывала документы на подпись. Уже вечером, перед уходом, я решила попросить начальство об одном одолжении.

Я открыла дверь и застала графа, пытающегося вскрыть шкатулку, которая до этого стояла на полке в качестве украшения.

– Стучаться не учили?

– Стучаться неприлично! Считается, что этим ты подразумеваешь, что за дверью занимаются чем-то плохим, и стуком предупреждаешь, чтобы успели спрятать компромат, – я оглядела покрасневшего Эверо и исцарапанную ножом для бумаг шкатулку. – Хотя да, надо было постучаться.

Джонатан зарычал.

– Зачем пришла?

– Можно маленькую просьбу?

Лицо графа исказила на редкость пакостная улыбка.

– И чем я должен отплатить тебе за утренний спектакль?

– Рыбой.

– Иди, откопай.

Я вздохнула и, проглотив шпильку, продолжила:

– В приемной стоит аквариум с магической поддержкой уровня кислорода и температуры и заклинанием само-очищения. В сумме это тянет на двести золотых.

Джонатан присвистнул.

– Согласитесь, глупо, чтобы он простаивал. Либо выделите денег на заселение его новыми постояльцами, либо продайте. Смотрится странно. Ну и вы мне за неделю угробили те цветы, которые я не могла угробить за все время работы. Тоже надо восстановить. Приемная теряет вид, и это плохо сказывается на вашем статусе. Пустой аквариум, пустые полки для цветов. И секретарша, которая, судя по виду, восстала из мертвых. Учтите, на завтра у вас записан декан факультета некромантии, и я боюсь, что в меня с порога засветят заклинанием упокоения.

– Насчет живности я подумаю, но униформа – вопрос решенный. До свидания.

Напоследок я решила слегка подмазаться к начальнику.

– На крышке резная ящерка пытается схватить жучка, пододвиньте его к ней.

Утром я поняла, что подхалимаж сработал и вопрос с обстановкой решился в мою пользу. Но то, что в шкатулке оказалась коллекция игральные кости ректора, Джонатану очень не понравилось, и он решил слегка мне подгадить.

Когда я вошла, в кабинете царил полумрак, работала только магическая подсветка ниши с аквариумом. На первый взгляд, аквариум был пуст, но стоило мне ткнуть ногтем по стеклу, как из его глубин вылетела здоровенная тварь с зубастым вытянутым рылом. От неожиданности я отшатнулась и боковым зрением уловила движение слева от себя. Мать его графиня!

Получасом позже граф застал меня сидящей на рабочем столе в позе лотоса и кидающей свой обед здоровенной венериной мухоловке. Второй день фигуру блюду по милости животных.

– Как питомцы?

– Прелесть! Едят с руками... В смысле, с рук! Вы вообще в курсе, откуда сия прелесть взялась? Фу! Нельзя!

С этими словами я хлопнула папкой по особо наглой ловушке, попытавшейся спереть

мой пончик. Ну, нет! Мясо жри, а пончик не трогай!

Граф озадаченно запустил пятерню в волосы.

– Ну, мурена из моего кабинета. Кстати, зовут Немо, его так моя уборщица прозвала, и кличка прижилась. А цветы попросил у травников, какие не жалко и пооригинальней.

А я уж подумала, что этот гад воссоздает свою родную атмосферу. Еще немного, и обьел бы рыбок, потребовал бы мотыля.

– Вот сволочи экономные! Эту пакость Караль велел утилизировать!

Цветок словно почувствовал, что говорят о нем, и принял исходное положение в горшке. Мол, я невинный кактус, воды и мяса не требую, и вообще расту на сантиметр в год. Я порывалась обрезать его, как бонсай, ножом для писем, но Джонатан неожиданно за него вступился.

– Да что он тебе сделал?

– Вы еще не смотрели расписание на следующий месяц? – я гаденько ухмыльнулась. – Через месяц у нас суд. Вот из-за него!

Я, забывшись, ткнула пальцем в сторону цветка. Хорошо, что у меня реакция неплохая, а то бы сэкономила на маникюре. Все-таки есть разница, за десять пальцев платить или за девять.

– На нас подали в суд из-за цветка?

– Нет, из-за двух загубленных кошек и студента в психушке.

– А цветок тут при чем?

Вздохнув, я поведала Джонатану суть его будущей головной боли:

– Видите ли, несмотря ни на что, общение между попаданцами и аборигенами все-таки происходит. И не всегда знания первых идут во благо. Вот, рассказали одному оболтусу о говорящих зверях из наших сказок, а тот возьми и вдохновись идеей. И теоретическую базу ведь под нее подвел, правда, практика не задалась. Пока он перемещал сознание кошек в цветы, все молчали. Вроде бы получалось, результат – как раз за вами, как видите, вполне разумный.

– Он тренировался на кошках?

– Да, общества защиты животных у вас ведь не было.

Кинув последний кусок колбасы цветку, я продолжила:

– Но потом он решил, что можно попробовать на людях. Нашел бедного студента с бюджета, пообещал денег. В общем, проявил смекалку, когда не надо. Ну, я не особо понимаю в магии, поэтому скажу, как мне объяснили его манипуляции. У растений разум кошки приживался, потому что своего нет. А вот с кошкой такой номер не прошел.

– Что в итоге? – заинтересовался граф.

– Вы газет не читали? У вас появилось общество защиты животных! Только защищает оно почему-то студента. Оно сейчас как раз выступает против того, чтобы держать его в психушке. Это калечит сознание котика в теле человека. Зато в больнице резко исчезли все мыши! Правда, медсестры с содроганием ждут весны, да и главврачу надоело, что ему в тапки гадят.

– А котик?

– Котик сдох, и вернуть все, как было, теперь не представляется возможным. Общество защиты животных и родители студента подали на нас иски. Между прочим, именно тогда Караль заработал первый инфаркт. А вы как себя чувствуете? Сердечко не барахлит? Рука! – Я заметила хищные намерения цветка относительно конечности Джонатана и поспешила его

предупредить.

Граф среагировал вовремя и отделался только разодранным рукавом.

– Мои запонки! – он потряс перед моим носом прорехой на пиджаке. – Он сожрал мою запонку! С рубином!

Я, не удержавшись, засмеялась.

– Интересно, откуда она вылезет? Кишечника-то у этой дряни нет. Разве что через корни выйдет. Будете каждый день землю просеивать.

Мужчина с неприязнью осмотрел десятилитровый горшок с хищником-мутантом. Видно, он был чистокровным дворянином и в его родне никаким боком не затесались люди от сохи, поскольку жгучей потребности покопаться в земле он не ощутил.

– Почему я?

– Потому, что эта пакость меня не любит, и я к ней не подойду. А если она цапнет уборщицу, то охрана труда нас сожрет с потрохами, – предупредила я очередную гениальную мысль начальника. – Так что придется вам вспомнить детство, когда вы лепили куличики и ковырялись в песке.

На этом мы разошлись по кабинетам.

К обеду я вполне успокоилась. Поэтому очередного посетителя встречала во всеоружии, а именно: перед его визитом накапала в ромашковый чай несколько капель настойки пустырника и залпом выпила. Посетитель был на диво вредный. Это был один из немногих людей, глядя на которых мне хотелось взять в руки автомат, вырыть окоп и вести огонь на поражение. Зря, что ли, я в универе с ребятами в тир ходила?

– Лада Борисовна, добрый день.

– Галлий Гибонсон? Добрый. – Моя улыбка сошла бы за милую, если бы у меня не дергался в это время глаз. – Вы записаны?

Робкая надежда развернуть его обратно рухнула, когда мне предъявили три расписки с печатями и показания двоих свидетелей, что он записывался на прием. Да, дедуля подготовился. Бедный граф, он еще не имел чести пообщаться с этим страдающим кверулянтством^[1] дедушкой. По-хорошему, успокаивающий чай надо было отнести ему, а не пить самой, тем более что я-то уже закаленная, в отличие от графа.

– Говорят, этого старого взяточника посадили! Давно пора! Вот пусть новый ректор меня выслушает, – потрясая толстенными книгой учета и папкой с бумагами, провозгласил пенсионер.

Я мысленно сделала жест «рука-лицо». Может, охрану вызвать? Я с сожалением отмела эту мысль. Вони будет... Шустрый дедок тем временем уже открывал дверь в кабинет Джонатана. «Все, поздно», – пронеслась в голове паническая мысль, и я кинулась за посетителем. Еле успела втиснуться перед ним, чтобы объявить:

– Господин ректор, к вам посетитель.

Эверо поднял голову от бумаг.

– Никого не пускать. Я занят.

– Я не могу.

Граф выронил ручку и уставился на меня как баран на новые ворота. Наверное, до этого момента он думал, что фраза «не могу не пустить» не входит в мою базовую комплектацию. Сюрприз! Да, да, из всех посетителей только этот старикашка может обыграть меня. Даже вам это редко удавалось.

– Ладно, пропусти.

Дед грубо оттолкнул меня, стремясь поскорее войти к Джонатану.

– Почему я жду? Я записан! Это нарушение моих прав, – с порога начал Галлий предъявлять претензии. – Почему я должен ждать под дверью, как собака? Я отдал лучшие годы жизни этой Академии! И что получил взамен? Мои заслуги ушли коту под хвост!

Глаза графа потемнели от злости. Ага, не нравится? А сам так раньше врывать не стеснялся!

– Лада Борисовна, вы будете стенографировать. Я не хочу, чтобы суть этого разговора была потом искажена.

Дедуля начал отдавать приказы. Круто.

Раздался треск. Жаль, хорошая была ручка.

Я села в уголке и приготовилась записать очередную порцию чуши. По мне, все претензии Галлия надо фиксировать на туалетной бумаге, им там самое место, а не переводить хорошие листы.

Галлий достал пачку исписанной бумаги и устроился напротив Джонатана. Откашлявшись, он начал:

– Я ветеран. Отдал лучшие годы своей жизни Академии. Как награда, мне была выделена квартира в многоквартирном доме по адресу: Цветная улица...

– Какая улица? – не врубился граф.

– Сейчас она Бирюзовая, – объяснила я, как более опытная в этом деле. Не в первый раз эту ересь слышу.

Дедок резко подскочил.

– Нет, она Цветная!

Впрочем, он быстро успокоился и сел обратно.

– Этот дом был в собственности Академии и квартиры в нем выдавались только работникам этого учебного заведения! Но двадцать лет назад этот дом был передан в собственность города!

– Да, помню. Мы тогда вышли из союза с Восточным королевством, сменилась власть, были трудности с финансированием.

– Вы не имели права! Отдавать дом с живыми людьми!

Граф собирался что-то сказать, но я сделала знак молчать. Удивительно, но он меня послушался.

– И наш мэр, чтобы отмыть деньги, переименовал улицу в Бирюзовую! Не спросив жильцов! По кодексу Вильгельма...

– Прошу прощения, – снова влез граф. – Но кодекс Вильгельма действовал, когда мы были одним целым с Восточным королевством и страна носила название Светлая! Сейчас этой страны нет! И действуют другие законы! Мы руководствуемся кодексом Нормана!

Но Галлий, распалившись, его не услышал.

– На основании этого я требую признать незаконными тарифы, установленные после переименования улицы!

Наша песня хороша, начинай сначала. Видно, непреодолимое стремление воевать с ЖЭКом заложено на генном уровне у пенсионеров любых миров. А у данной особи проявилось в критической форме. Пять лет высчитывал все вплоть до медяка и не побоялся явиться с этой горой макулатуры к налоговому следователю. Тот, видно, сразу просек, что дело – дрянь, и отправил его в комитет градостроительства. Спустя год и десяток инстанций старик оказался здесь. И песня с тех пор не меняется. Деньги и старые тарифы вернуть,

моральный ущерб возместить. Угу, тарифы тебе подавай старые. А пенсию получать ты хочешь по-новому.

– А также требую сделать за счет Академии ремонт дома и выплатить мне моральную компенсацию.

Еще три часа Галлий потрясал перед нами своими расчетами, заявлениями и списками. А еще угрожал независимым королевским судом.

– Если вы не выполните мои требования, я обращусь к главе сыска!

Граф поперхнулся. Сочувствую, выслушать эту чушь еще раз, но уже в образе главы сыска, это надо иметь стальные нервы. Ну и все колюще-режущие предметы в сейфе заранее запереть, подальше от соблазнов.

Наконец, оставив нам список требований, этот ностальгирующий террорист-крючкотворец удалился.

Эверо мелко трясло. Это ж как надо довести человека, закаленного допросами самых страшных преступников, чтобы его колотила нервная дрожь? Вот так и зарабатывают сердечный приступ. Жаль, тонометра под рукой нет. Не обращая внимания на вялые протесты графа, я ослабила ему узел галстука и запустила руку под воротник. Пульс зашкаливал, это было ясно даже мне, человеку, далекому от медицины.

– Если хочешь придушить меня, то двумя пальцами это сделать сложно, – меланхолично заметил Эверо.

Бредит? Я метнулась за пустырником.

– Держи, – я вложила ему в руку стакан с лекарством. – Пей. Легче будет.

Я и сама не заметила, как перешла на «ты». Пока граф пил, я методично рвала в клочки всю документацию, оставленную дедком для ознакомления. Не хватало еще рецидива.

Наконец Джонатан пришел в себя.

– Ты сказала, его фамилия Гибонсон? Он родственник Марты?

– Да. Вот единственное, в чем ей сочувствую, – такой родственник. Писать кляузы на начальника внучки, это каким дураком надо быть. Она и так сюда по благу устроилась, а он ей еще и гадит. Караль пару раз хотел ее уволить, но жалел.

– Надеюсь, Марта не пошла в него. Как-никак дед. Что Караль делал с бумагами?

– Сжигал, – пыхтя над особо толстой стопкой, ответила я – десять сшитых листов упорно не хотели рваться. – Когда у него было плохое настроение, даже запускал их левитировать по кабинету и метал в них искры.

– Нет, оставь, – он отнял у меня бумаги. – Я, пожалуй, сохраню их, буду вместо пыток зачитывать.

Когда шла домой после рабочего дня, за дверью декана я услышала разговор на повышенных тонах. Я невольно остановилась. Голос Джонатана, а второй, оправдывающийся, – его пассии. Там чихвостят Марту, прям бальзам на душу.

– Работы у меня нет, может, пошалим немного? – Джонатану очень точно удалось изобразить интонации Марты. – Ты, дорогая, видимо, кое-что спутала. Став моей любовницей, ты как-то очень быстро забросила работу. А надо совмещать. В качестве наказания за это – никакой премии. Приказ об этом будет завтра. И еще, думаю, вечером мы не увидимся, у меня передозировка людей с фамилией Гибонсон. Надо отойти.

Дальше слушать я не стала и, довольная, полетела домой!

Неделю граф не обращал внимания на Марту, с головой окунувшись в работу. Марта психовала и смотрела на меня как Немо, когда голодный. Кстати, с рыбой я нашла общий язык. Правда, этот общий язык стоил мне трех утопленных пинцетов, поскольку пальцы в аквариум я совать боялась, потому что сначала сунула нос в энциклопедию и выяснила, что сия пакость не только кусачая, но и ядовитая. Очень скоро Немо понял, что кормить его тут буду только я, и если он попытается мной закусить, то потом подохнет от голода. Мир был восстановлен, когда я купила у мясника кольчужную перчатку.

В пятницу вечером, отнеся документы в архив, я раздумывала, как отпроситься у Эверо на часик пораньше домой. А в приемной меня ожидал сюрприз. Точнее, не меня, а Джонатана, просто я зашла раньше.

Марта в кожаном корсете, чулках и перчатках сидела в соблазнительной позе в центре кабинета. Зараза, паркет поцарапала, когда кресло двигала! На ногах красавицы были туфли на высоких каблуках, причем с такой колодкой, что в них, по моему мнению, можно было только сидеть. Либо она пришла босиком, либо переобулась в кабинете. Молодец, про себя хмыкнула я, со сменкой ходит.

В первую минуту мы обе тупо таращились друг на друга. Я пришла в себя первой.

– Не жарко? В интимных местах не трет?

Марта подавилась вздохом, отчего грудь в тесном корсете заходила ходуном. Интересно, вывалится или нет? Джонатан бы такое зрелище точно оценил. Я же... без всякого интереса мазнула взглядом по прелестям девушки и полезла в стол за инвентарем для кормежки.

– Спасибо. Я этим не интересуюсь.

И, молча развернувшись, пошла кормить мурену.

Тут блондинка наконец отмерла.

– Да ты вообще этим не интересуешься! Дура фригидная! Все знают, что ты в его любовницы метишь! Но я его фаворитка! Понятно, шалава иномирская?

Я замерла, не донеся кусок мяса до аквариума. Терпеть не могу хабалок!

– Послушай меня, фаворитка, – не повышая голоса и, следовательно, не опускаясь до ее уровня, начала я. – Если граф тебя здесь терпит, то не затем, чтобы ты мне хамила. Используй рот в спальне и при других обстоятельствах, как от тебя и ожидают. А пока не мешай мне работать, в отличие от тебя, я не имею привычки паразитировать на мужчинах. Если нечем заняться, вон, в вазе с фруктами возьми банан, потом Эверо порадует.

Марта покраснела и шагнула ко мне с намерением проредить мои волосы. Я невольно взглянула на ее ноги. Интересно, грохнется или нет? Нет. Завидую ее чувству равновесия. Ничего, я ей подправлю координацию, если сунется. Жалко, что перчатка у меня только на одной руке. Я, конечно, немного перегнула палку, но сил уже нет терпеть!

– Марта, не советую. В таком наряде ты, конечно, слегка Зену напоминаешь, только уж очень большое пространство мне для маневра оставила, – перебирая пальцами и любясь бликами на металле, я решила дать ей последний шанс. – Уверена, королева воинов, что хочешь ссадины по всему телу лечить?

Но эпической драке не суждено было состояться по причине явления повода для этой самой драки.

– Лада, ты отнесла приказ в бухгалтерию? – тут граф наконец соизволил оторваться от

бумаг, которые читал на ходу. – Марта? А почему ты в таком виде?

Упс, пора уматывать. А то, чую, не понравится графу справочка о его увлечениях. Еще решит на практике попробовать.

– Ну, вижу, я тут лишняя. До свидания! Граф, большая просьба, – я обернулась в дверях. – У меня столешница очень хорошо отполирована, можно сделать так, чтобы в понедельник утром на ней не было отпечатка задницы Марты? Заранее спасибо.

На этой оптимистичной ноте я покинула рабочее место.

В понедельник утром над моим столом, где раньше красовался герб Академии, повесили плетку. Люблю тонкие намеки...

Следующий месяц вошел в историю Академии как месяц непослушания.

Как я уже упоминала, в Академии обучают и девушек. Выяснилось, что многие из них не прочь оставить сие учебное заведение, выйдя замуж. И ректор им почему-то показался подходящей кандидатурой на роль мужа.

Чего только не вытворяли юные прелестницы, чтобы попасть на ковер к Джонатану. Разбивали пудреницами зеркала, хамили преподавателям, срывали лекции. Дрались из-за того, что соперница сорвала лекцию раньше. Они давали взятки, закатывали истерики, лишь бы только их отправили именно к ректору. Вместо пыли по углам теперь клубились клочья волос и обрывки кружев с платьев.

Сначала меня это забавляло, потом начало раздражать, а теперь просто бесит! Вместо того чтобы работать, я разнимаю девиц. Они даже в приемной умудряются поцапаться! Вот как раз сейчас второкурсница сильно увеличила декольте соперницы. Зачем? Себе же со своим первым размером хуже сделала.

Из кабинета Эверо донесся рев раненого бизона.

– В-о-о-он! Все в-о-о-он! А вы – завтра с родителями ко мне в кабинет!!!

Приемная опустела в мгновение. Я же, накапав пустыря в стакан воды, пошла к ректору. Между прочим, это уже мои личные запасы. А истребляет их начальство!

– Знаешь, у меня сложилось впечатление, что та девушка тебя не так поняла.

Граф скосил на меня глаза поверх стакана.

– Уж больно довольное лицо у нее было, когда она из кабинета вылетела, – наклонившись, доверительно сообщила я. – По-моему, твою фразу про родителей не так поняли.

– Как ее можно не так понять?

– Ну... Как приглашение познакомиться с будущими тещей и тестем.

Эверо запустил руки в волосы.

– Да откуда они этой чуши про ректоров Академий нахватались? И говорят все как под копирку. Одни и те же фразы!

Я решила открыть графу маленькую тайну. Убрав на всякий случай метательный снаряд в виде стакана подальше, я рассказала о том, что некоторые издательства платят попаданцам за истории из их миров. Мне тоже предлагали подзаработать. Только пересказ «Федота-стрельца» их не вдохновил, эротики и любви мало. Но, видно, нашлись люди с более интересным арсеналом прочитанного.

– Никогда не думал, что прокляну тот день, когда женщинам стало доступно образование! Ну, раз они так любят читать, пиши приказ.

Я раскрыла ежедневник.

– Приказом от пятого числа месяца костров тысяча девятьсот двенадцатого года от

сотворения мира в Академии магии Южного королевства для учащихся вводится форма...

– Извините, что вмешиваюсь, но не выйдет.

– Почему?

– Утвердить форму с родителями – раз, подобрать фасоны – два, снять мерки – три, выбрать ателье – четыре, сшить – пять. Как раз к лету управятся. Только до этого у тебя мозоль на носу будет и косоглазие.

– Почему?

– Потому, что пока не сошьют форму, тебе все равно под нос будут декольте совать.

– Хорошо, пусть не форма, но ограничение на глубину вырезов я поставлю.

Эх, не знал граф нашу сестру. Нельзя глубокое декольте? Хорошо, мы сверху нашлем вставочку из прозрачной ткани. Все, как написано! Как поется в песне: «А у нас все пучком! Там, где прямо не пролезем, мы пройдем бочком». Девушки изгалялись как могли, чтобы обойти ограничения. Граф бесился, но ничего сделать не мог.

Устав от постоянного девичьего щебета в приемной, следующий удар нанесла я. Вооружившись своим верным соратником на ниве договоров с обслуживающим персоналом, то бишь бутылкой наливки, я подкатила к дворнику с малюсенькой просьбой слегка уменьшить интенсивность отопления. Не помогло. Девушки мерзли, прелести, предъявляемые Джонатану на обозрение, все больше напоминали по цвету куриную тушку времен СССР, но они не сдавались. Зато мы смогли выпросить на практику пару студентов из медицинской Академии, сославшись на разыгравшуюся эпидемию ОРВИ.

Вторым фронтом выступили мамы. Я держала оборону как могла, но они умудрялись просочиться мимо моего стола, стоило мне только отойти на минутку в туалет. И ладно бы просто на мозги капали, так нет. Они тащили приворотные зелья! И если дочкам я могла приказывать вывернуть карманы, то на почтенных матрон мои полномочия не распространялись. Одно радовало, Джонатан не был дураком и воду из графина в своем кабинете пить перестал. Зато он придумал себе новое развлечение. Оставлял стакан с водой на столе и отворачивался. Обычно дамы возможности не упускали. Но граф, вместо того чтобы выпить, брал этот стакан и любовно поливал котоцветок. Тот от подобной подкормки слегка дурел и начинал лезть к дамам за лаской. Вид гигантской венериной мухоловки, требующей почесона листиков, враз заставлял женщин вылетать из кабинета. Сам же цветок урчал и, кажется, собирался порадовать графа, выбив детку.

К слову, меня этот цветик по-прежнему не любил, за что и был сослан к Эверо в кабинет. Граф иногда давал ему откусывать кончики сигар, несмотря на мои вопли о том, что если он травится сам, то пусть не подсаживает на табак живое существо, оно вон уже бычки из пепельницы жрать пытается. А поскольку рос котоцветок как на дрожжах, то вскоре встал вопрос о его подкормке. Тут-то мне и пришла идея, как использовать активность девиц в своих целях.

Как-то днем я ворвалась в кабинет графа, потрясая листом бумаги.

– Это что?

– Наше спасение! Приказ об отработке проступков по ученическому кодексу поведения!

– И что, ты предлагаешь мне его подписать? Как будто с ним кто-то ознакомится.

Я гадко ухмыльнулась.

– Это будут уже не наши трудности. Вы не забывайте специфику нашего заведения. Те, кто хотят именно вы-учиться, ознакомятся, а те, кто ищет выгодную партию... я придумаю, как их наказать.

– Ладно, если у тебя получится, выпишу премию.

Джонатан взял ручку и подписал бумагу, поднял на меня взгляд и мстительно добавил:

– Не получится, увеличу рабочий день на час.

Получится, не сомневайся.

Как я и предсказывала, приказ пропустили мимо ушей. Итак, мой выход, господа.

На следующее утро ректор лично зашел в клетку ко львам, то есть в приемную, где сидели девушки.

– Девушки! – начал он.

Девушки при виде жертвы оживились, заулыбались и захлопали ресничками. Пару раз полыхнул амулет на груди графа, защищавший его от приворотной магии.

– В соответствии с моим приказом от вчерашнего дня, вы переходите под юрисдикцию Лады Борисовны для отработки своих наказаний. Это касается всех. Мне надоело ваше ужасное и неподдающееся коррекции поведение.

– Но это незаконно! – возразила миловидная брюнетка, кажется, с выпускного курса. – Она не преподаватель!

Да, точно, она бесприданница. Поэтому и проучилась так долго. Вот что ей мешает получить диплом и заработать себе приданое? Ничего! Нет же, мы лучше хвостом перед ректором покрутим. Ну да, зарабатывать деньги через постель гораздо приятнее.

– Законно, – Джонатан потряс перед ними потертой книжицей лохматого года выпуска. – По своду правил Академии.

– Но он устарел! Он был еще до выхода из союза!

– Да, только наша Академия не подвергалась реорганизации. Устаревшие части касались вопросов собственности. А вот устав и правила поведения еще действуют.

Никогда не думала, что скажу это, но спасибо Галлию за идею пролистать старые документы! Они иногда бывают полезны. Особенно если их не успели аннулировать.

Моей улыбке в ответ на гневное сопение девушек мог позавидовать даже Немо.

– Дамы, сегодня вы поступаете в распоряжение преподавательницы ботаники. Она давно жаловалась, что кто-то помял все цветы в оранжерее. – Я, конечно, подозревала кто, но сдавать Идена не хотела. – И еще, развелось много вредителей. Вам выдадут емкости для их сбора. Потом они пойдут на прокорм ректорского цветка.

– А если я не буду этого делать? – опять вылезла бесприданница.

– Тогда ты будешь не собирать жуков, а кормить цветок. Только предупреждаю заранее, лак для ногтей надо будет стереть, а то еще цветок отравится. Все! На выход!

Тишина. Наконец-то! Пусть наклоняются над грядками, они ведь так любят выставлять свои прелести, вот и покажут их вредителям. Среди них тоже самцы есть, может, оценят.

Девушки поработали на славу. Жаль только, их трудовой порыв очень скоро сошел на нет. Цветок больше не получал жуков в таком количестве, зато в приемной у меня закончились кошачьи свары. Блаженство!

В среду котоцветок порадовал графа маленьким росточком из-под земли.

– Отсадить надо, им тесно будет, – разглядывая малютку, уже пытающуюся тяпнуть графа за палец, я едва успела увернуться от защищающей потомство мамыши.

– И куда его потом девать?

– У Карлы Людвин через десять дней юбилей. Можно подарить, – мне пришлось отбиваться от ловушки, методично откусывающей пуговицы с моего рукава, поэтому говорила я медленно. – Котоцветок – чудесный подарок одинокой старой деве с аллергией на

шерсть. И кот, и чихать не будет.
На том мы и порешили.

В целом Эверо не требовал от меня ничего сверх обязанностей. Я не собирала улики по Академии и не шпионила за людьми. Просто, когда на прием записывался кто-то из частых визитеров Карая, который задерживался в кабинете ректора дольше обычного, я сообщала об этом Джонатану. Ничего обременительного.

Я переписывала какой-то нужный Джонатану документ, когда на свежие, не успевшие высохнуть чернила лег цветок китайской розы, оставив от ровных строчек одну сплошную кляксу.

Какая сволочь час моей работы испоганила? Я подняла глаза в поисках смертника.

О нет! Только не Олег!

Мужчина тридцати лет был помощником преподавателя законов мироздания. Предмета, насквозь пропитанного теологией и, соответственно, нудного, на мой светский взгляд. Вел его настоящий фанат своего дела, настоятель храма на окраине города. Меня по каким-то причинам он не выносил. В день нашего знакомства он осенил меня знаком Солнца и прочитал очистительную молитву. Я в ответ перекрестила его во имя Отца и Сына и Святого Духа. Ни он, ни я не провалились сквозь землю после этих действий, и между нами установилось хрупкое перемирие.

Олег с самого первого дня пытался сблизиться со мной под тем предлогом, что мы из одной страны. Ему повезло меньше. Он был врачом по образованию и кобелем по складу характера. Поэтому местная миграционная служба в лице ловцов определила его на ПМЖ в храм, не интересуясь его согласием. Особенно его угнетало то, что послушники в храме все мужского пола, поэтому Олег постоянно охотился в Академии. Одно радовало, пресветлый Аугуст держал его на коротком поводке. Ибо это не дело, когда он читает лекции на тему «не прелюбодействуй», а его помощник потом зовет студенток посмотреть на свою коллекцию бабочек.

[Купить полную версию книги](#)

Кверулянтство – непреодолимая сутяжническая деятельность, выражающаяся в борьбе за свои права и ущемленные интересы (зачастую мнимые и преувеличенные). Кверулянт осуществляет подачу жалоб во всевозможные инстанции.